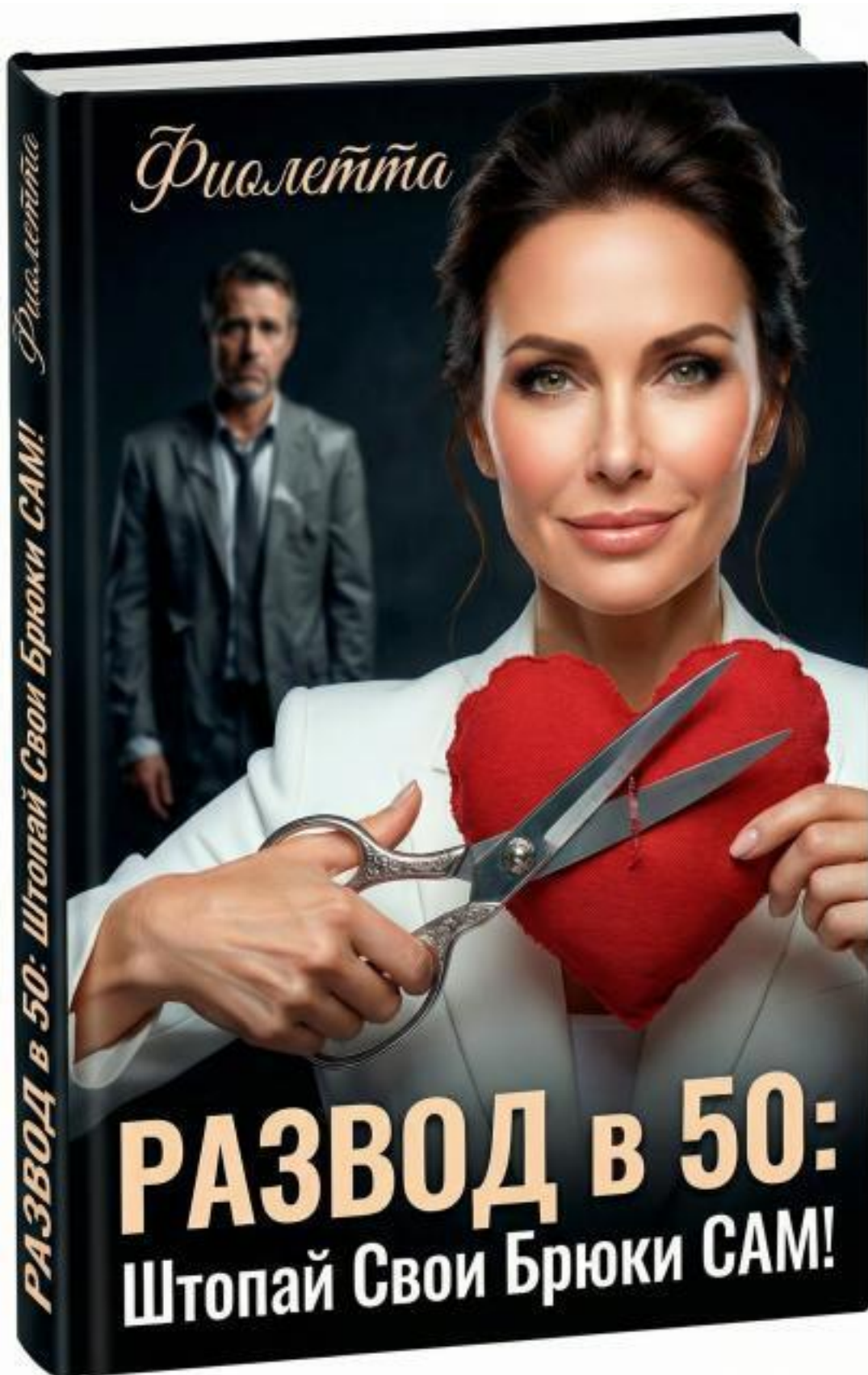

Фиалетта

РАЗВОД в 50: Штопай Свои Брюки САМ! Фиалетта

РАЗВОД в 50:
Штопай Свои Брюки САМ!

Фиолетта –

**Развод в 50: Штопай
Свои Брюки Сам!**

«Литнет»

2025

– Ф.

Развод в 50: Штопай Свои Брюки Сам! / Ф. – — «Литнет», 2025

Двадцать пять лет я была для него всем: женой, стилистом, диетологом и нянькой. Я создала его идеальный имидж, пожертвовав своей карьерой модельера. А он? Он поверил, что его лоск — это его личная заслуга. В благодарность муж променял меня на молодую секретаршу, которая не умеет даже включить стиральную машину. «Ты устарела, Валя. Ты — привычка, а Софушка — вдохновение». Он думал, что я проглочу обиду и останусь обслуживать его быт ради штампа в паспорте. Зря. Он бросил мне в лицо порванные брюки с приказом зашить их перед свиданием? Отлично. Я беру ножницы. Ателье закрыто, дорогой. Учись жить сам. А я начинаю жизнь с чистого листа, где меня ценит тот, кто знает толк в настоящем качестве. В тексте есть: измена и предательство мужа ☹️# героиня с характером властный герой, который решит все проблемы преображение и успех женщины 50+ ☆☆ разница в возрасте (герой старше) ♥️# ХЭ для героини!

© – Ф., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3 (Веня)	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6 (Веня)	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11 (Веня)	57
Глава 12	63
Глава 13	67
Глава 14 (Веня)	72
Глава 15	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Бархат — материал мстительный. Он не прощает ошибок, не терпит суеты и помнит каждое прикосновение утюга. Если у ткани есть душа, то у черного итальянского бархата она черная, бездонная и капризная, как у избалованной аристократки.

Я перевела дух, стараясь не моргать лишний раз. Глаза жгло, словно в них насыпали битого стекла. На часах, висящих над моим рабочим столом, стрелки безжалостно сходились к трем ночи. В квартире стояла та особенная, гулкая тишина, какая бывает только перед рассветом, когда даже холодильник на кухне перестает ворчать и замирает в ожидании нового дня.

В свете мощной диодной лампы игла в моих руках сверкнула серебряной искрой. Осталось совсем немного. Последние штрихи на лацкане.

— Ну, потерпи, милый, — прошептала я, обращаясь не к мужу, спящему в соседней комнате, а к пиджаку. — Сейчас мы сделаем тебе идеальную посадку.

Я шила этот смокинг две недели. Четырнадцать дней и ночей, украденных у сна, у отдыха, у собственной жизни. Вениамин хотел выглядеть не просто хорошо — он хотел выглядеть «монархом». Его слова. «Валя, там будут люди из министерства, инвесторы из столицы. Я должен войти в зал и сиять. Понимаешь? Сиять так, чтобы они сразу поняли, кто здесь хозяин положения».

Я понимала. Двадцать пять лет я только и делала, что понимала.

Пальцы левой руки ныли. Я посмотрела на подушечку указательного пальца: кожа там превратилась в решето, несмотря на наперсток. Лейкопластырь, наклеенный с вечера, уже пропитался сукровицей и мешал чувствовать ткань, поэтому я сорвала его час назад. Глупо. Непрофессионально. Но мне нужно было ощущать ворс, чтобы не примять его.

Стежок. Еще стежок. Нитка ложилась мягко, утопая в густой ткани, становясь невидимой. Это была моя магия. Магия портнихи, которая когда-то подавала надежды на международных конкурсах, а теперь стала тенью собственного мужа. «Серый кардинал стиля», как шутил Веня, когда у него было хорошее настроение.

Спина отозвалась тупой, тянущей болью в пояснице. Я разогнулась, слыша, как хрустят позвонки, и повесила готовый смокинг на манекен.

Он был совершенен.

Глубокий черный цвет поглощал свет лампы, атласные лацканы, наоборот, ловили блики, обещая переливаться под софитами банкетного зала. Линия плеч — жесткая, уверенная, корректирующая природную сутулость Вениамина, которую он приобрел за годы сидения в директорском кресле. Чуть зауженная талия — визуальный обман, скрывающий те лишние пять килограммов, которые он наел за последний год на бизнес-ланчах.

Я смотрела на свою работу и чувствовала странную смесь гордости и опустошения. Я создала оболочку. Броню. Фасад. Завтра мой муж наденет этот костюм, и никто не догадается, что его статность — это результат сложного кроя и бессонных ночей женщины, которая сейчас похожа на привидение.

В зеркале, прислоненном к стене, отразилась моя фигура. Растянутая домашняя футболка, седые корни, пробивающиеся сквозь краску (надо бы записаться к мастеру, да все денег жалко), и лицо... Лицо женщины, которая забыла, что она женщина.

— Ничего, — сказала я своему отражению, выключая лампу. Темнота мягко накрыла комнату. — Главное, чтобы он получил эту награду. «Человек года». Это ведь наша общая победа. Мой вклад.

Я на цыпочках прошла в спальню. Вениамин спал, раскинувшись на кровати, как морская звезда. Одеяло сбилось, обнажив ногу. Я привычным движением укрыла его, поправила подушку. Он даже не шелохнулся, только всхрипнул.

Его дыхание пахло мятным ополаскивателем. Он всегда заботился о свежести дыхания. О себе он вообще заботился истово.

Я легла на самый край, стараясь не скрипнуть пружинами. Закрыла глаза, надеясь провалиться в сон хотя бы на три часа, но перед внутренним взором все еще плясали черные ворсинки бархата.

Утро ворвалось в квартиру не запахом кофе, а суетой и нервозностью. Вениамин ненавидел опаздывать, но еще больше он ненавидел собираться без помощи.

— Валя! Где мои запонки? Те, с ониксом! — его голос доносился из ванной, перекрывая шум воды.

Я уже была на ногах. Голова гудела, будто набитая ватой, веки казались свинцовыми. Я достала запонки из бархатной шкатулки, положила их на комод, попутно смахивая невидимую пылинку с полированной поверхности.

— На месте, Веня. Справа от часов.

Он вышел из ванной, благоухая парфюмом — сложная композиция сандала и цитруса, которую я сама ему выбрала на прошлый день рождения. На его лице, гладко выбритом, сияющем свежестью после дорогих кремов, не было ни следа усталости. В свои пятьдесят два он выглядел на сорок пять. Подтянутый (спасибо утягивающему белью, которое я заставила его носить под костюмы), седовласый, импозантный.

Я протянула ему рубашку. Белоснежный египетский хлопок. Я отпаривала ее вчера, пока варился бульон.

Он молча продел руки в рукава, позволяя мне застегнуть мелкие пуговицы на манжетах. Я чувствовала тепло его кожи, видела пульсирующую жилку на запястье. Мне хотелось прижаться щекой к его руке, получить хоть каплю тепла в ответ.

— Ну? — поторопил он, дернув рукой. — Смокинг готов? Или мне идти в старом?

— Готов, — я метнулась в мастерскую и вынесла «Короля» на плечиках.

Вениамин критически оглядел вещь. Ни слова восторга. Ни улыбки. Он воспринял это так, словно смокинг материализовался из воздуха по щучьему велению.

Он надел пиджак. Подошел к большому зеркалу в прихожей.

Я затаила дыхание. Это был момент истины. Ткань легла идеально. Ни единого залома на спине. Рукав открывал манжету рубашки ровно на полтора сантиметра — золотой стандарт. Бархат делал его фигуру монументальной, глубокой, значительной. Он выглядел как голливудский актер на красной дорожке.

Веня повернулся боком, втянул живот, поправил бабочку.

— Ну, нормально, — бросил он, разглядывая свое отражение. — Хотя... Валь, посмотри сюда.

Сердце пропустило удар.

— Что? Где?

— Вот тут, под мышкой. Кажется, тянет. Ты уверена, что пройму правильно вырезала? Я же просил свободнее, чтобы я мог жестикулировать, когда буду произносить речь.

Я подскочила к нему, упала на колени, ощупывая боковой шов. Мои пальцы, исколотые и шершавые, касались драгоценной ткани.

— Нет, Веня, здесь все идеально. Это конструктивная прибавка. Если сделать свободнее, появится пузырь, когда ты опустишь руки. Подними руку. Вот так. Видишь? Ничего не тянет.

— Ладно, тебе виднее, — отмахнулся он, словно делая мне одолжение. — Но если на сцене он лопнет, позор будет на твоей совести.

Я поднялась с колен, чувствуя унижительную дрожь в ногах.

— Не лопнет. Я прошила двойным усиленным швом.
Он наконец отвернулся от зеркала и посмотрел на часы.

— Так, я опаздываю. Машина уже внизу.
— Веня, — я робко коснулась его рукава. — А во сколько... во сколько мне быть готовой?
Он замер, проверяя внутренний карман.

— Готовой? К чему?

— Ну... к банкету. Церемония награждения. Я думала, может, надеть то синее платье, шелковое. Помнишь, я шила его на юбилей твоей мамы? Оно все еще актуально, если добавить жемчуг.

Вениамин медленно перевел взгляд на меня. В его серых глазах промелькнуло что-то похожее на брезгливую жалость. Он окинул меня взглядом с головы до ног: мои стоптанные тапочки, мешковатые домашние брюки, лицо без макияжа с темными кругами под глазами.

— Валя, ты меня не слушала? — в его голосе зазвенели металлические нотки, те самые, которыми он отчитывал подчиненных. — Я же говорил еще во вторник. Формат закрытый. Корпоративный. Только сотрудники и ключевые партнеры. Жены не предусмотрены протоколом.

— Но Петр Ильич всегда берет свою супругу...

— Петр Ильич — учредитель, ему можно хоть с собакой прийти, — перебил он, раздраженно поправляя идеально сидящий воротник. — А я наемный директор, пусть и региональный. Мне нужно работать лицом, налаживать связи, а не следить, чтобы тебе подливали шампанское. Да и посмотри на себя, Валя.

— Что не так? — голос предательски дрогнул.

— Ты устала. У тебя вид, будто ты неделю вагоны разгружала. Мешки под глазами, кожа серая. Тебе нужно выспаться, а не торчать под софитами до полуночи. Ты же у меня домоседка. Вот и отдыхай. Закажи пиццу, включи свой сериал турецкий.

Он похлопал меня по щеке. Жест был похож на то, как хозяин треплет за холку старую, преданную дворнягу.

— Не дуйся. Я привезу тебе десерт, если останется. Все, убежал!

Дверь хлопнула. Щелкнул замок.

Я осталась стоять в прихожей, где все еще витал аромат его сандалового парфюма. В тишине квартиры этот запах казался чужим, агрессивным.

«Не предусмотрены протоколом».

Я медленно поплелась на кухню. На столе стояла его чашка с недопитым кофе. На ободке остался след — он пил жадно, торопливо. Я машинально взяла чашку, чтобы помыть, и увидела свое отражение в темном оконном стекле.

Серая. Уставшая. Старая.

Двадцать пять лет назад я была самой яркой на курсе. У меня были огненные волосы и смех, от которого, как говорил Веня, у него кружилась голова. Я подарила ему свою молодость, свой талант, свои амбиции. Я стала фундаментом, на котором он построил свой пьедестал. А фундамент, как известно, должен быть под землей. Невидимым.

День тянулся, как густая патока. Я пыталась занять себя делами, но все валилось из рук.

Убрала в мастерской. Собрала обрезки бархата, черные нитки, смахнула пыль с манекена. Манекен теперь казался голым и сиротливым без того великолепного пиджака. Я поймала себя

на мысли, что ревную вещь. Я вложила в этот кусок ткани столько любви, сколько, наверное, не получал сам Вениамин за все годы брака.

Пообедала пустым бульоном. Кусок в горло не лез.

Включила телевизор, но яркие картинки раздражали. Выключила.

К семи вечера тишина в квартире стала невыносимой. Она давила на уши, звенела. Я знала, что сейчас, в эту самую минуту, в банкетном зале «Плаза» гремит музыка, звенят бокалы, и мой муж стоит на сцене, купаясь в аплодисментах. В моем смокинге.

Интересно, заметил ли кто-нибудь крой? Оценил ли кто-то из «московских кураторов» идеальную линию плеча? Или они видят только его харизму?

Рука сама потянулась к телефону.

Я редко заходила в соцсети. Веня говорил, что это для бездельников. У меня был старый аккаунт, который я завела еще сто лет назад, чтобы следить за трендами моды, но давно забросила. Пароль вспомнился на автомате.

Я просто хотела посмотреть. Одним глазком. Наверняка в официальном аккаунте их холдинга уже выложили отчет.

Я ввела в поиске название компании. Лента пестрела фотографиями: фуршет, улыбающиеся лица, логотипы спонсоров. Скучно, официально.

Вот и Веня. Общее фото сотрудников. Он стоит в центре, выше всех, статнее всех. Смокинг сидит безупречно. Я невольно улыбнулась, профессиональным взглядом отмечая, что рукав не морщит. Моя работа. Моя гордость.

Я листала дальше, надеясь найти кадры вручения награды. И вдруг палец замер.

Алгоритм предложил «Похожие публикации». Геотег того самого ресторана.

Фото было не официальным. Оно было живым, снятым на телефон с хорошей камерой, возможно, с фильтрами, добавляющими блеска.

На снимке был Вениамин. Он сидел за столиком, расслабленно откинувшись на спинку стула. В одной руке бокал с янтарной жидкостью, другая рука...

Другая рука покоилась на талии девушки.

Я приблизила фото. Девушку я знала. София Быстрова. Его новая помощница по связям с общественностью. Веня говорил про нее: «Толковая девчонка, хваткая, правда, в голове ветер».

На фото ветра в голове не наблюдалось. На фото была хищница.

Она прижималась к моему мужу всем телом. На ней было платье цвета фуксии, вызывающе яркое, с глубоким декольте, в котором тонул взгляд любого мужчины. Но не это заставило меня похолодеть.

Ее рука.

Ее тонкая рука с длинными острыми ногтями, покрытыми красным лаком, лежала на лацкане смокинга. На том самом бархатном лацкане, который я гладила сегодня ночью, боясь дышать. Она сжимала ткань по-хозяйски, властно, словно проверяя качество товара. Или заявляя права на владельца.

Вениамин улыбался. Не той дежурной улыбкой для партнеров, а шальной, пьяной улыбкой мужчины, который чувствует себя альфа-самцом. Он смотрел на нее так, как не смотрел на меня уже лет десять. С восхищением. С вожделением.

Воздух в комнате вдруг закончился. Я хватала ртом кислород, но легкие не раскрывались.

«Спокойно, Валя, — сказала я себе. — Это просто фото. Корпоратив. Все выпили. Она помощница, просто прилипла к шефу, чтобы попасть в кадр. Веня не такой. Он брезглив, он не любит эту дешевую вульгарность».

Я опустила взгляд ниже, чтобы прочитать подпись. Буквы расплывались, пришлось моргнуть, сгоняя пелену.

Аккаунт: *Sofushka_Star*.

Текст:

«Наконец-то! Награда наша! ## Мой Лев стал Человеком Года, и я счастлива быть рядом в этот триумфальный момент. P.S. Все спрашивают про его нереальный образ. Да, девочки, стиль моего мужчины — это полностью моя заслуга. ## Мой безупречный вкус и моя любовь создали этот шедевр для него. За каждым великим Королем стоит его Муза, которая знает, как сделать из алмаза бриллиант. Люблю тебя, мой победитель! ♥### #моймужчина #стиль #любовь #победа #корпоратив2025»

Телефон выпал из рук и с глухим стуком ударился о ламинат.

Я сидела неподвижно, глядя в одну точку на стене, где висел календарь с дурацкими котятками.

«Моя заслуга».

«Мой вкус».

«Моя любовь создала этот шедевр».

Эти слова жгли сильнее, чем раскаленный утюг.

София Быстрова, девочка, которая, судя по длине ногтей, не знает, с какой стороны братья за иглоку, присвоила себе мои бессонные ночи. Она украла не просто моего мужа (хотя, судя по фото, это уже свершившийся факт). Она украла мое мастерство. Мою душу, вложенную в каждый миллиметр этого чертова бархата.

Она назвала себя Музой.

А кем тогда была я? Обслужгой? Техническим персоналом, который подготавливает реквизит для чужого спектакля?

Я медленно подняла левую руку. Посмотрела на указательный палец. Кожа была красной, воспаленной. Из-под ногтя сочилась крошечная капелька крови — видимо, я задела ранку, когда мыла посуду, и даже не заметила.

— Любовью? — прошептала я в пустоту кухни. Голос был чужим, скрипучим, как несмазанная петля. — Ты написала — любовью?

Я размазала капельку крови по подушечке пальца.

Этот смокинг был сшит не любовью, девочка. Он был сшит моей кровью. Моим здоровьем. Моим временем.

И, кажется, я только что спустила двадцать пять лет своей жизни в унитаз.

В замке входной двери заскрежетал ключ.

Я вздрогнула. Сердце, которое до этого словно остановилось, вдруг забилося где-то в горле, заполошно и больно.

Он вернулся.

Я слышала, как он возится в прихожей, чертыхаясь — видимо, не мог попасть в замочную скважину с первого раза. Потом тяжелые шаги. Шуршание пакета.

Я не встала его встречать. Я просто сидела на кухне в темноте, и экран лежащего на полу телефона продолжал светиться, показывая улыбающееся лицо моего мужа и красные когти на его груди.

Начиналась самая длинная ночь в моей жизни. Ночь, когда идеальный шов на семейном счастье лопнул с оглушительным треском.

Глава 2

Скрежет металла о металл в ночной тишине прозвучал как выстрел. Ключ не желал проворачиваться в замке. Я слышала, как с той стороны двери кто-то навалился на полотно плечом, тяжело дыша, затем тихо выругался, и снова попытался попасть жалом в скважину.

Я не шелохнулась. Мое тело словно окостенело, приросло к табурету, став частью кухонного интерьера. Экран телефона на столе продолжал светиться холодным, мертвенным светом, выхватывая из темноты мои руки — бледные, с коротко остриженными ногтями, на которых не было ни лака, ни маникюра. Только следы от иглы.

Щелчок. Еще один. Дверь распахнулась, ударившись ограничителем о стену.

Вместе с потоком воздуха из подъезда в квартиру ворвался не мой муж. В квартиру ворвался Запах.

Он был плотным, осязаемым, агрессивным. Он затопил узкий коридор, переполз через порог кухни и ударил мне в ноздри, вызывая мгновенный спазм тошноты. Это был сложный, тошнотворный букет предательства.

Верхняя нота — дорогой коньяк, резкий, дубильный, свидетельствующий о том, что банкет удался на славу. Нота сердца — табачный дым, горький и въедливый, хотя Вениамин бросил курить пять лет назад по моему настоянию и клялся здоровьем матери, что сигарета больше никогда не коснется его губ. Но база... Базовой нотой шел приторный, липкий аромат ванили, мускуса и каких-то тропических фруктов. Дешевый, но громкий парфюм, который пытался казаться дорогим.

Запах чужой женщины. Запах Софии.

Он был настолько интенсивным, что казалось, будто она сама вошла следом за ним, невидимая, но вездесущая, и теперь стояла у меня за спиной, дыша мне в затылок своим сладким ядом.

— Валька! Ты спишь? — голос мужа был слишком громким, раскатистым. В нем звенела пьяная удаль.

В коридоре вспыхнул свет. Яркая диодная полоса, которую мы выбирали вместе, чтобы «расширить пространство», теперь безжалостно резала глаза, привыкшие к полумраку. Я сощурилась, но не отвернулась.

Вениамин ввалился в дверной проем кухни.

Таким я его не видела никогда. Или, может быть, просто не хотела видеть? Двадцать пять лет я смотрела на него через фильтр своей любви, через призму заботы, которая сглаживала морщины, оправдывала грубость усталостью, а эгоизм — амбициями. Но сейчас фильтр рухнул. Треснул, как перекаленное стекло.

Передо мной стоял не «Человек года». Передо мной стоял пожилой, рыхлый, нетрезвый мужчина.

Его лицо, обычно благородно-бледное, сейчас пошло красными пятнами — давление скакнуло, сосуды не справлялись с алкоголем. Глаза, мутные и влажные, блуждали по кухне, не в силах сфокусироваться. Рот расплылся в самодовольной, глупой улыбке, обнажая зубы, которые я заставляла его лечить в лучшей клинике города, экономя на себе.

— О, сидишь? — он хохотнул, опираясь рукой о косяк, чтобы сохранить равновесие. — А чего в темноте? Экономить? Молодец, хвалю. Копейка рубль бережет!

Он сделал шаг вперед, и его качнуло. Идеальная укладка, над которой он корпел утром, рассыпалась: седые пряди прилипли к потному лбу. Галстук-бабочка съехал набок, придавая ему вид трагикомического клоуна, сбежавшего из цирка.

— Ты не представляешь, что там было! — он начал размахивать руками, и воздух снова всколыхнулся, принеся новую волну ванильной воню. — Фуррор! Просто фуррор! Когда

назвали мою фамилию... «Афанасьев Вениамин Петрович»... Зал встал! Понимаешь? Савченко из министерства лично подошел, руку жал полминуты, не отпускал. Говорит: «Вот на таких, как вы, регион и держится!».

Он прошел к столу, вытянул стул — тот противно скрипнул по плитке — и тяжело плюхнулся на него, вытянув ноги.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, разрастается ледяная пустота. Раньше, видя его таким возбужденным, я бы уже грела чайник, подкладывала подушку под спину, расспрашивала бы о деталях, ловя каждое слово. Я бы жила его триумфом.

Сейчас я препарировала его взглядом.

Белая сорочка из египетского хлопка выбилась из брюк с одной стороны, образуя неряшливый пузырь. На животе, там, где пуговицы испытывали максимальное натяжение, ткань натянулась до предела — он явно переел на банкете, забыв про диету. Но самое страшное было не это.

Мой взгляд скользнул к воротнику.

Там, на крахмальной белизне стойки воротничка, с правой стороны, расплывалось рыжевато-бежевое пятно. Тональный крем.

Это был не случайный мазок. Чтобы оставить такой след, нужно было прижаться лицом к шее, тереться о ткань, виснуть на мужчине, забыв о приличиях. След был свежим, жирным. Он кричал громче любых слов. Он перечеркивал часы моей работы с отпаривателем, когда я выводила каждую складочку, чтобы воротник не натирал ему шею.

— А Савченко... он мужик серьезный, слов на ветер не бросает, — продолжал вещать Вениамин, не замечая моего молчания. — Намекнул, что в следующем году можно и на Москву замахнуться. Представляешь? Мы с тобой... хотя нет, я в Москву, а ты тут за квартирой присмотришь пока. Там темп другой, ты не выдержишь.

Он потянул узел бабочки, наконец-то срывая ее и небрежно бросая на стол, прямо рядом с моей рукой. Черный шелк упал мертвой птицей.

— Жарко тут у тебя. Духота, — пожаловался он, начиная расстегивать пиджак.

Я замерла. Внутри все сжалось в тугую пружину. «Только не это», — пронеслось в голове. «Пожалуйста, только не это».

Вениамин стянул с плеч смокинг. Тот самый бархатный смокинг, который я шила кровью. Он стянул его неаккуратно, выворачивая рукава, комкая плечевые накладки, которые я формировала вручную, чтобы они держали форму годами.

— Фух... Сбруя, а не костюм, — пробормотал он.

И швырнул его.

Просто швырнул, не глядя.

Черный бархат пролетел короткую дугу и приземлился на соседний табурет. Но не ровно. Тяжелая ткань сползла, рукав упал на пол, прямо в то место, где я днем просыпала немного муки и, видимо, плохо подмела. Бархатный ворс коснулся грязного пола. Пиджак лежал бесформенной кучей, похожий на сбитую на дороге собаку. Заломы на спинке, там, где ткань смялась при броске, казались мне рваными ранами.

У меня перехватило дыхание. Физическая боль пронзила грудь. Это было не просто небрежение к вещи. Это был плевок в душу. Он вытер ноги о мою бессонницу.

— Веня... — выдохнула я, и голос мой прозвучал сухо, ломко. — Подними.

Он не услышал. Или сделал вид. Он уже был занят другим — пытался расстегнуть верхнюю пуговицу сорочки, но пальцы не слушались, соскальзывали.

— Черт, пришила насмерть, не отдерешь, — проворчал он, дергая воротник. Ткань затрепала. — Валька! Ну чего сидишь как истукан? Голова раскалывается. Шампанское у них было... вроде французское, а по шарам бьет как наша сивуха. Сделай чаю.

Он потер виски, морщась.

— Крепкого. И лимон туда брось, только не желей, пару долек. И аспирин посмотри в аптечке, тот, шипучий.

Он говорил это в пространство, даже не повернув головы в мою сторону. Он был абсолютно, железобетонно уверен: сейчас зашуршит чайник, звякнет ложечка, прохладная рука жены ляжет на горячий лоб. Механизм запущен. Функция «жена» активирована голосовой командой.

Я смотрела на рыжее пятно тонального крема на его шее. Теперь, когда воротник был расстегнут, его было видно еще отчетливее. Оно было как клеймо. Клеймо чужой собственности на моем муже.

— Ты оглохла? — в его голосе прорезалось раздражение. Он наконец повернул ко мне свое одутловатое, потное лицо. — Валя! Я кому говорю? Чай!

Я медленно, очень медленно, словно преодолевая сопротивление толщи воды, подняла руку. Пальцы коснулись телефона. Корпус был теплым, почти горячим от долгой работы экрана.

— Чай? — переспросила я. Мой голос был тихим, но в этой кухонной тишине, пропитанной запахом ванили и перегара, он прозвучал громче крика. — С лимоном?

— Ну а с чем еще? С коньяком не надо, коньяка мне хватило, — хохотнул он собственной шутке, но тут же скривился. — Давай быстрее, мутит меня.

Я взяла телефон. Батарейка мигала красным — осталось три процента. Три процента до полной темноты. Как символично. Три процента моей любви, моего терпения, моей жизни.

Я развернула экран к нему.

— А твоя «Муза» не научила тебя заваривать чай, Веня? — спросила я, глядя ему прямо в мутные зрачки. — Или у нее лапки заняты тем, что она шарит по ширинкам чужих мужей?

Я толкнула телефон по гладкой поверхности стола. Он проехал, тихо шурша, и остановился прямо перед его носом, рядом с брошенной бабочкой.

Вениамин моргнул. Сначала непонимающе, с тупым выражением человека, которого разбудили посреди ночи. Он скосил глаза на экран.

На ярком дисплее, в высоком разрешении, застыл момент его триумфа. Его рука на талии Софии. Ее красные когти на моем смокинге. И слова. Те самые слова, которые теперь выжигали сетчатку мне, а должны были выжечь совесть ему.

«Моя любовь создала этот шедевр».

Я видела, как меняется его лицо.

Сначала — недоумение. Он шурился, пытаясь сфокусировать взгляд на мелком тексте.

Потом — узнавание. Его брови поползли вверх, рот приоткрылся.

Затем — испуг. Короткий, животный испуг пойманного вора. Взгляд метнулся на меня, потом снова на экран, потом на дверь — словно он искал пути отхода.

Но уже через секунду испуг сменился чем-то другим. Досадой. Раздражением. Злостью на то, что ему испортили праздник.

Он не покраснел от стыда. Он не побледнел от ужаса потери семьи. Он просто скривил губы, откидываясь на спинку стула, который жалобно заскрипел под его весом.

— Ну и? — выплюнул он.

Это «Ну и?» ударило меня сильнее пощечины.

— Ты мне скажи, — ответила я, не отводя взгляда. Я чувствовала, как внутри меня, там, где еще минуту назад была выжженная пустыня, начинает подниматься холодная, темная волна. Это была не истерика. Это было прозрение. — Ты пришел домой, воняешь, как пар-

фюмерная лавка, с пятном от тональника на воротнике, который я крахмалила вчера до двух ночи. Ты швырнул мой труд на пол. И ты спрашиваешь «Ну и?».

Вениамин фыркнул. Он потянулся, взял телефон своими пухлыми пальцами, посмотрел на фото еще раз и небрежно перевернул гаджет экраном вниз. Как будто, если закрыть картинку, проблема исчезнет.

— Ой, Валя, только давай без драмы, а? — он махнул рукой, и этот жест был настолько пренебрежительным, что мне захотелось сломать ему пальцы. — Ну выпили. Ну сфоткались. Это корпоративная этика. Тимбилдинг. София — девочка активная, молодая, она сейчас ведет мои соцсети. Ей нужен контент.

— Контент? — я встала. Медленно, опираясь руками о столешницу, чтобы не упасть. Ноги дрожали. — Она пишет, что это она создала твой образ. Она пишет про любовь. Это тоже тимбилдинг, Веня? Трахать секретарш теперь входит в КРІ регионального директора?

Слово «трахать» повисло в воздухе тяжелым булыжником. Я никогда не употребляла таких слов. Вениамин, казалось, тоже удивился — его глаза на секунду округлились.

Но нападение — лучшая защита. Он знал эту тактику.

— Заткнись! — рявкнул он, и лицо его налилось дурной кровью. — Как базарная торговка, честное слово! Стыдно слушать! Я пришел уставший, с победой, а ты мне сцены ревности закатываешь из-за какой-то картинки в интернете? Ты себя-то видела?

Он ткнул пальцем в мою сторону.

— Посмотри на себя! В зеркало посмотри! Ты же моль! Ты ходишь в этом тряпье, вечно с кислой миной, вечно чем-то гремишь, шуршишь... С тобой скучно, Валя! С тобой я чувствую себя стариком. А София... Да, она молодая! Да, она живая! Она смотрит на меня как на мужчину, а не как на манекен для твоих пиджаков!

Каждое слово было гвоздем в крышку гроба нашего брака.

— Я делала из тебя Короля, — тихо сказала я.

— Ты делала из меня посмешище! — заорал он, срываясь на фальцет. — «Веня, втяни живот», «Веня, не сутулься», «Веня, эту рубашку нельзя, она тебя полнит». Ты меня душишь своей заботой! А Софушка... Она праздник. Она легкость. Но тебе этого не понять. Ты у нас великая мученица.

Он схватил чашку, стоявшую на столе (мою грязную чашку), хотел швырнуть ее, но передумал и с грохотом поставил обратно.

— Короче. Я не собираюсь перед тобой оправдываться. Я мужик, у меня есть потребности. Если тебе что-то не нравится — дверь там. Хотя... — он презрительно усмехнулся, оглядывая кухню. — Куда ты пойдешь? Кому ты нужна в свои пятьдесят? Ни жилья, ни денег, ни работы нормальной. Ты же ноль без меня. Пустое место. Приложение к моему паспорту.

Я молчала. Я смотрела на человека, с которым делила постель, стол и жизнь четверть века, и не узнавала его. Неужели этот злобный, брызжащий слюной старик — тот самый Веня, который когда-то носил меня на руках? Или он всегда был таким, просто я была слепа?

— Так что давай, Валя, — он сменил тон на покровительственный, видя, что я молчу. Решил, что сломал меня. — Прекращай истерику. Завари чай, я выпью таблетку и лягу спать. Завтра поговорим, на трезвую голову. Может, я тебе даже шубу куплю. Или что там тебе надо... оверлок новый?

Он зевнул, широко раскрывая рот, демонстрируя золотую коронку на шестерке.

— И убери пиджак, — бросил он, кивнув на скомканный бархат на табурете. — Помнится, ты говорила, что его нельзя мять. Вот и спасай свой «шедевр».

Он встал, пошатываясь, и направился к выходу из кухни.

— Чаю принесешь в спальню.

Я осталась стоять посреди кухни. Свет лампы гудел, как трансформаторная будка. Запах ванили Софии смешался с запахом его пота и перегара, создавая невыносимую атмосферу гниющего заживо брака.

Мой взгляд упал на смокинг.

Рукав касался пола. На черном бархате, там, где он лежал на табурете, образовался глубокий залом. Ткань, казалось, плакала.

«Ноль без меня».

«Приложение к паспорту».

«Спасай свой шедевр».

Я подошла к табурету. Медленно протянула руку. Пальцы коснулись мягкого ворса. Он был еще теплым от его тела.

Нет, Веня. Я не буду спасать шедевр. Шедевры не живут в грязи.

Я взяла пиджак. Но не для того, чтобы повесить его на плечики. Я сжала ткань в кулак так сильно, что побелели костяшки. Внутри меня что-то шелкнуло. Тихо, как лопается перетянутая нить.

Я не принесу тебе чаю. Я не принесу тебе аспирин.

И я больше никогда, слышишь, никогда не буду сшивать края твоей расползающейся жизни.

Я выключила свет на кухне, оставив нас в темноте — меня и бархатный труп моей любви. На телефоне, лежащем экраном вниз, погас последний процент зарядки.

Завтра будет новый день. И в этом дне у меня не будет мужа. Но у меня буду я. И, кажется, я начинаю вспоминать, кто такая Валентина Афанасьева.

Глава 3 (Веня)

от лица Вени

Ванная комната встретила меня стерильной, звенящей белизной и запахом хлорки, смешанным с лавандой. Моя крепость. Единственное место в доме, где можно запереться на защелку и отгородиться от этого нелепого, визгливого бабского бунта, который Валентина устроила на кухне.

Я повернул фиксатор замка и выдохнул. В зеркале над раковиной отразился мужчина в самом расцвете сил. Да, лицо немного красное — давление, черт бы его побрал, да и шампанское на банкете лилось рекой, но в остальном... В остальном я был великолепен. Седина на висках, которую Валя называла «пеплом», на самом деле была серебром. Признаком зрелости, опыта, статуса.

«Человек года». Звучит? Звучит.

Я включил холодную воду. Шум струи успокаивал.

Что она там говорила? «Трахать секретарш входит в КРІ»? Пошлость какая. Я поморщился, плеснув ледяной водой в лицо. Валя всегда была слишком прямолинейной, слишком приземленной. Ей не хватало полета, гибкости. В ее мире все делилось на черное и белое, на «свое» и «чужое». А мир большого бизнеса, мир, в который я сегодня вошел с парадного входа, состоит из полутонов.

Я расстегнул сорочку, дернув пуговицу. Ткань поддалась с трудом. Валя пришивала пуговицы так, словно готовила одежду для выхода в открытый космос, а не в офис.

Рубашка полетела на кафельный пол. Белая, хрустящая, теперь она казалась мне уликой. Я поднял ее, чтобы бросить в корзину для белья, и взгляд зацепился за воротник.

Рыжее пятно.

Я поднес ткань к глазам. Тональный крем. Жирный, плотный след.

— Черт, — выругался я сквозь зубы. — София, ну что за неаккуратность...

Раздражение кольнуло острой иглой. Не стыд перед женой, нет. Раздражение на Софию. Я же просил ее сто раз: «Софушка, аккуратнее, эта рубашка стоит двести евро». Но девчонка — ураган. Эмоции через край. Полезла обниматься прямо в фойе, когда объявили перерыв. «Мой тигр, мой победитель!» — шептала она, тычась лицом мне в шею.

Конечно, это приятно. Какой мужик откажется, когда молодая, упругая самка смотрит на него, как на божество? Валя так не смотрела уже лет пятнадцать. У Вали взгляд был рентгеновским: она видела не «тигра», а повышенный холестерин, невымытую чашку и необходимость купить картошку.

Я сунул воротник под струю воды, пытаюсь затереть пятно пальцем. Рыжая мазня только расплылась, впитавшись в волокна египетского хлопка глубже.

— Ай, к черту! — я с досадой швырнул мокрый ком в плетеную корзину.

Валя стирает. У нее есть какие-то порошки, пятновыводители, отбеливатели. Она волшебница по части тряпок. Поворчит, конечно, но сделает. Куда она денется? Это ее работа — обеспечивать мне тыл, пока я завоевываю мир.

Я встал под душ, смывая с себя запах банкета, табака и женских духов. Вода смывала усталость, но не смывала обиду. Да, именно обиду. Я шел домой победителем. Я нес ей свою славу, как трофей. А она? Ткнула мне в нос телефоном и устроила сцену из-за безобидной фотографии.

Ну, положила София руку на лацкан. Ну, написала глупость про «создала образ». Это же метафора! Маркетинговый ход! Девочка пиарит меня, создает легенду успешного лидера, окруженного красотой. А Валя восприняла это буквально. «Я шила кровью...». Тьфу. Пафос на пустом месте.

Я вытерся пушистым полотенцем, которое пахло альпийскими лугами (еще одна заслуга Вали, которую я принимал как должное), и обмотал его вокруг бедер.

Голова трещала. Виски сдавливало обручем. Мне срочно нужен был аспирин и тот самый чай с лимоном.

Я вышел из ванной, ожидая увидеть на тумбочке у кровати дымящуюся чашку и таблетку на блюдце. Это был ритуал. Незыблемый, как смена времен года. Если Вениамину Петровичу плохо — Валентина подает лекарство.

В спальне было темно и тихо.

Я шелкнул выключателем ночника. Тумбочка была пуста. Ни чашки. Ни блюдца. Только пылинки, танцующая в свете лампы.

Я сел на край кровати, чувствуя, как пружины мягко принимают мое тело. Матрас ортопедический, дорогой. Я купил его с премии три года назад. Валя тогда ныла, что старый диван продавился. Я купил. Я вообще всё в этот дом купил. Стены, мебель, техника — всё на мои деньги.

А она смеет мне бойкоты устраивать?

Пять минут. Десять.

Тишина в квартире была не просто отсутствием звука. Она была демонстративной. Злой. — Ну и где? — спросил я пустоту.

Жажда мучила немилосердно. Во рту пересохло, язык казался наждачной бумагой.

Я лег, уставившись в потолок. Перед глазамиплыли круги.

Я вспомнил, как впервые привел Валу в эту квартиру. Тогда здесь были голые стены и бетонный пол. Я был молодым специалистом с амбициями, она — портнихой в ателье «Силуэт». Рыжая, худая, с вечно исколотыми пальцами. Что у нее было? Старая швейная машинка «Подольск» и комната в общежитии.

Я дал ей всё. Я дал ей статус. Я дал ей фамилию.

Афанасьева. Звучит гордо, весомо. До меня она была... как ее там? Петрова? Сидорова? Не помню. Какая-то безлика, серая фамилия. Став Афанасьевой, она вошла в круг приличных людей. Она стала женой чиновника, пусть тогда еще мелкого.

И чем она отплатила?

Сначала была хорошей женой. Старалась. Рубашки, борщи, уют. Я ценил. Правда, ценил. Но потом... Потом она начала растворяться в быту. Она перестала быть женщиной и стала функцией.

Я повернулся на бок, скрипнув зубами от головной боли.

София другая. София — это фейерверк. Когда я захожу в офис, она вскакивает, глаза горят: «Вениамин Петрович, вы сегодня просто космос!». Она замечает мой новый галстук. Она смеется над моими шутками, даже если слышала их трижды. С ней я чувствую себя мужчиной, самцом, альфой.

А Валя? «Веня, ты забыл выпить статины». «Веня, не ешь жареное, печень». Тьфу. Скука смертная. Она стала похожа на старый, удобный халат. В нем тепло, но выйти в нем в люди — стыдно.

И вот этот «халат» вдруг решил, что имеет право голоса.

Я ждал еще минут пять. Злость закипала во мне медленно, как молоко на плите, пока не пошла пеной через край.

— Нет, так не пойдет, — пробормотал я, спуская ноги на пол.

Я не собирался терпеть это унижение. Я глава семьи. Я кормилец. Если я требую чая — чай должен быть.

Я встал. Голову прострелило болью, но я проигнорировал это. Накинул домашний халат (махровый, темно-синий, подарок Вали на 23 февраля) и двинулся на кухню.

Я шел не просить. Я шел требовать.

В коридоре горел свет, который я забыл выключить. На кухне было темно, но силуэт жены угадывался у окна. Она стояла спиной ко мне, глядя в черноту двора. Маленькая, какая-то ссутулившаяся фигура в нелепых домашних штанах.

— Ты долго будешь дуться? — спросил я с порога. Голос прозвучал хрипло, но твердо. — Мне плохо. Я просил таблетку и воды.

Она не обернулась. Даже плечом не повела.

— Аптечка в верхнем ящике, — ее голос был ровным, безжизненным. — Вода в кране. Я задохнулся от возмущения.

— В кране?! Ты предлагаешь мне пить из-под крана? А фильтр? А лимон? Валя, ты перегибаешь палку. Я понимаю, ты обиделась. Увидела картинку, накрутила себя. Бабская фантазия — страшная сила. Но давай не будем путать берега. Я твой муж. И мне сейчас физически хреново.

Она наконец повернулась. В полумраке ее лицо казалось белой маской. Глаза впали, вокруг рта залегли жесткие складки.

— Тебе хреново, Веня? — тихо переспросила она. — А мне каково? Двадцать пять лет я была твоим фильтром. Твоей таблеткой. Твоим костылем. А теперь выясняется, что я просто «моль в обмороке».

— Я не говорил... — начал я, но осекся. Говорил. На эмоциях, но говорил. — Слушай, Валя. Давай начистоту.

Я прошел на кухню, включил бра над столом. Мягкий свет выхватил неубранный стол, брошенную бабочку и пустой стул, на котором еще недавно лежал мой смокинг. Смокинга не было. Унесла? Спрятала? Ну вот, значит, все-таки заботится.

Я сел, чувствуя себя хозяином положения. Сейчас я все ей объясню. Разложу по полочкам. Она умная баба, поймет.

— Сядь, — кивнул я на стул напротив.

Она осталась стоять.

— Ладно, стой. Так вот. Ты устроила трагедию на пустом месте. Да, у меня есть общение с Софией. Может быть, чуть более тесное, чем прописано в трудовом кодексе. И что?

Я развел руками, приглашая ее оценить масштаб моей логики.

— Посмотри на мужчин моего круга. На Савченко. На Петрова. У всех есть... отдушина. Это статус, Валя. Это биология. Мужчине нужен драйв. Охота. Ты же умная женщина, должна понимать. Брак — это корпорация. Ты — исполнительный директор по тылу. Надежный, проверенный. Я тебя ценю. Я тебя уважаю. Я, в конце концов, все деньги несу в дом!

Я постучал пальцем по столешнице, акцентируя внимание на финансовом вопросе.

— София — это другое. Это... как десерт. Ты же не обижаешься на пирожное, что оно сладкое? Она молодая, глупая, восторженная. С ней я чувствую, что еще чего-то стою как мужик. А с тобой...

Я посмотрел на нее придирчиво.

— Валь, ну посмотри на себя. Честно. Когда ты последний раз была у косметолога? Когда покупала себе нормальное белье, а не эти парашюты хлопковые? Ты же превратилась в тень. В мебель. Удобную, да. Но мебель не хотят, Валя. На мебели сидят.

Я ожидал слез. Ожидал криков: «Я на тебя жизнь положила!». Это было бы нормально, по-бабски. Я бы ее утешил, сказал бы, что все равно ее не брошу, потому что я благородный человек. Мы бы помирились, она бы поплакала у меня на плече, а утром испекла бы блины.

Но она молчала. И смотрела.

Ее взгляд изменился. Раньше в нем всегда было обожание, смешанное с тревогой: «Как ты, Венечка? Не дует?». Сейчас в нем было... любопытство? Словно она смотрела на диковинное насекомое под микроскопом.

— Значит, десерт, — произнесла она задумчиво. — А я — основное блюдо. Каша перловая, полезная, но безвкусная.

— Ну зачем так грубо? — поморщился я. — Ты — база. Фундамент. Без тебя, Валя, я бы, может, и не достиг этого всего. Я это признаю. Но фундамент должен быть прочным и молчаливым. А не устраивать землетрясения из-за одной фотки.

Я решил, что аргумент достаточно весомый. Я признал ее заслуги. Я погладил ее эго. Теперь можно и к ультиматуму переходить.

— В общем так. Я устал. Мне завтра на работу, принимать поздравления. Я не хочу идти туда с больной головой и мятой рожей. Поэтому у тебя два варианта. Вариант А: ты сейчас прекращаешь этот цирк, даешь мне лекарство, мы ложимся спать, а утром делаем вид, что ничего не было. Я, так и быть, забуду твою выходку. Вариант Б...

Я замялся. А какой вариант Б? У нее нет варианта Б.

— А варианта Б у тебя нет, Валя, — усмехнулся я, чувствуя свое превосходство. — Потому что квартира эта — моя. Дача — моя. Машина — моя. Ты здесь прописана, конечно, но ты же понимаешь... Без меня и моих денег ты кто? Пенсионерка с швейной машинкой? Много ты нашьешь своим соседкам? На хлеб не хватит.

Я попал в точку. Я видел, как дрогнули ее губы.

— Ты живешь в комфорте, Валя. В центре города. Ездишь на такси. Ешь фермерские продукты. И все это обеспечиваю я. А взамен прошу немногого: чистые рубашки, горячий ужин и отсутствие мозговыноса. Это честная сделка.

Я откинулся на спинку стула, довольный своей речью. Логично? Логично. Жестко? Да. Но с женщинами иногда надо жестко, чтобы привести их в чувство. Истерику лечат пощечиной или холодной водой. Я выбрал холодную правду.

— Ты закончил? — спросил она.

— Закончил. Чай неси.

Она смотрела на меня еще секунду. Потом медленно кивнула, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями.

— Хорошо, Веня. Я поняла твою позицию. Это... честная сделка.

Вот и славно. Я же говорил — умная баба. Поняла, что бунтовать на корабле, когда не умеешь плавать — самоубийство.

Она развернулась и пошла к выходу из кухни.

— Эй, а чай? — окликнул я ее спину.

— Аптечка в верхнем ящике, — повторила она, не оборачиваясь. — Вода в кране.

И вышла.

Я опешил. Сидел с открытым ртом, глядя на пустой дверной проем. Это что сейчас было? Это она так торгуется? Набивает цену?

— Ну и дура! — крикнул я ей вслед. — Сама приползешь!

Я встал, злой как черт. Подошел к шкафчику, рванул дверцу так, что звякнули стаканы. Нашел аптечку. Вытряхнул шипучую таблетку.

Воды пришлось наливать самому. Графин был тяжелым, рука дрожала, и я пролил немного на стол. Вытер рукавом халата. Ничего, высохнет.

Таблетка шипела в стакане, растворяясь, как мои надежды на спокойный вечер.

Я залпом выпил противную, соленую жидкость.

Ничего. Это просто бабский взбрык. Климакс, наверное. Или полнолуние. Она сейчас посидит у себя в мастерской, поплачет, посмотрит на свои тряпки, посчитает мелочь в кошельке и поймет, что я прав.

Кому она нужна, кроме меня? Серая мышь. Моль. Афанасьева она только благодаря мне. Завтра утром встанет как миленькая, погладит мне свежую рубашку (надо будет достать голу-

бую, раз белая испачкана) и приготовит сырники. Она всегда готовит сырники по субботам. Это рефлекс.

Я выключил свет на кухне. Темнота снова поглотила следы моей маленькой победы.

Шаркая тапочками, я поплелся в спальню. Лег в холодную постель. Без Валиного тела рядом было неуютно, но я принципиально отвернулся к стене. Пусть помучается. Одиночество — лучший учитель. К утру хмель выветрится, дурь из бабской головы выйдет, и она приползет под бочок. Еще и извиняться будет за то, что устроила истерику победителю.

Я взбил подушку, устраиваясь поудобнее. В конце концов, я прав. Я дал ей всё, а она смеет кусать руку дающую. Ничего, перебесится. Куда она денется с подводной лодки?

Я закрыл глаза, проваливаясь в тяжелый, вязкий сон, абсолютно уверенный в том, что завтрашний день начнется с запаха сырников, виноватого взгляда жены и свежесглаженной сорочки.

Я же Афанасьев. А Афанасьевых не бросают. Их берегут как зеницу ока.

Глава 4

Дверь спальни захлопнулась с глухим, окончательным звуком, отрезавшим меня от прошлой жизни. Щелчок язычка замка прозвучал как выстрел в висок.

Я осталась стоять посреди кухни, опираясь ладонями о холодную столешницу. Пальцы побелели от напряжения, но я этого не чувствовала. Все мое тело превратилось в один натянутый нерв, звенящий от унижения.

В ушах, перебивая гудение холодильника, все еще звучал его голос. Не пьяный, не истеричный, а тот самый, страшный — рассудительный, уверенный в своей правоте. Голос хозяина, отчитывающего нерадивую прислугу.

«Кому ты нужна в свои пятьдесят?»

«Пенсионерка со швейной машинкой».

«Мебель. Удобная, но мебель».

Слова падали в сознание тяжелыми камнями, поднимая со дна души муть, страх и какую-то древнюю, липкую тоску. Самое ужасное было не в том, что он это сказал. Самое ужасное было в том, что он в это верил. Для Вениамина я действительно была лишь функцией, износившимся механизмом, который начал давать сбои и требовал замены или капитального ремонта в виде жесткого ультиматума.

Мой взгляд упал на стол.

Там, на полированной поверхности «под мрамор» — поверхности, которую я натирала специальным воском, чтобы не было разводов, — расплывалась лужица. Веня наливал себе воду дрожащей рукой и пролил. Он видел это. Он не мог не видеть. Но он просто развернулся и ушел, даже не подумав взять тряпку.

Зачем? Ведь есть Валя. Валя вытрет. Валя всегда вытирала — пролитый чай, грязные следы в прихожей, его пьяные выходки, его неудачи на работе, его плохое настроение. Я была его пожизненной промокашкой.

Рука дернулась к губке, лежащей у раковины. Рефлекс, вбитый в подкорку четвертью века служения. «Надо убрать, испортится покрытие, вздуется кромка».

Я сжала губку. Влажная, пористая, она пахла лимонным моющим средством. Запах моего рабства.

— Нет, — произнесла я вслух.

Голос прозвучал хрипло, чужеродно в пустой кухне.

Я разжала пальцы. Губка шлепнулась обратно в раковину.

Пусть вздуется. Пусть этот чертов стол сгниет. Пусть весь этот дом, вылизанный моим языком до стерильного блеска, покроется плесенью. Я больше не буду подтирать за тобой, Афанасьев. Ни воду, ни совесть.

Я погасила свет. Темнота мгновенно проглотила кухню, спрятав и грязную чашку, и брошенную на столе бабочку, и ту самую лужу.

Ноги были ватными, словно я прошла марафон. Я двинулась по коридору, стараясь ступать бесшумно, хотя зачем? Даже если он проснется, что он сделает? Ударит? Нет, Веня не бьет. Он уничтожает словами, он бьет по самооценке, и синяки от этих ударов не замажешь тональным кремом.

Коридор казался бесконечным тоннелем. Стены, оклеенные дорогими итальянскими обоями (я выбирала их три месяца, искала оттенок «шампань», чтобы Вене было светло), теперь давили, сужались.

Я остановилась у порога нашей спальни. Дверь была приоткрыта — он никогда не закрывал ее плотно, боялся духоты.

Из темного проема доносились звуки. Ритмичный, с присвистом храп.

Раньше этот звук был для меня синонимом дома. Если Веня храпит — значит, он здесь, рядом, в безопасности. Я иногда толкала его в бок, шептала: «Перевернись», он мычал что-то сонное, обнимал меня тяжелой рукой, и я засыпала, чувствуя себя защищенной.

Теперь этот храп звучал как рычание сытого зверя, который пометил территорию и завалялся спать на костях своей добычи. Добычей была я.

Я сделала шаг вперед и замерла.

Лунный свет падал из окна, расчерчивая двуспальную кровать на сектора. Вениамин лежал по диагонали. Он раскинул руки и ноги, захватив все пространство. Одеяло было сбито, одна нога свисала. Он спал глубоким, пьяным сном человека, у которого нет совести, а значит, нет и бессонницы.

Я посмотрела на пустой уголок подушки, где обычно лежала моя голова.

Если я сейчас лягу туда... Если я проскользну под одеяло, свернусь калачиком на тех тридцати сантиметрах, что он мне оставил... Это будет конец. Это будет подпись под его ультиматумом. «Согласна. Принято. Я — мебель. Я потерплю Софию, лишь бы ты меня кормил».

К горлу подступила тошнота. Физическое отвращение было таким сильным, что меня передернуло, что я едва устояла на ногах. Я зажала рот ладонью, чтобы не всхлипнуть в голос. Запах. Даже здесь, у порога, воздух был пропитан этой приторной ванилью, смешанной с перегаром. Казалось, что София лежит там, между нами, невидимая и липкая.

Нет. Я не лягу туда. Лучше на коврик в прихожей, лучше на голом полу, чем в эту оскверненную постель.

Я сделала глубокий вдох, задерживая дыхание, словно ныряльщик перед прыжком в грязную воду. Мне нужно было зайти. Не к кровати — к встроенному шкафу-купе. Там, на верхней полке, лежали гостевые подушки и плед.

Я скользнула в комнату тенью. Вор в собственном доме.

Половица у входа предательски скрипнула. Вениамин всхрапнул, сбился с ритма, чмокнул губами во сне и перевернулся на другой бок, спиной ко мне. Одеяло сползло, обнажив его волосатую ногу.

Я замерла, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле. Если он сейчас проснется... Если увидит меня, крадущуюся за подушкой... Он снова начнет этот разговор. Снова будет унижать, давить своей железобетонной логикой, доказывать, что я — никто. А у меня не было сил на второй раунд. Я была пуста.

Я добралась до шкафа. Медленно, молясь всем богам фурнитуры, потянула раздвижную дверь. Ролики мягко зашуршали. Слава богу, мы не сэкономили на механизмах.

Я на ощупь нашла шершавый чехол с запасной подушкой. Схватила флисовый плед — первый попавшийся, кажется, в клетку, который мы брали на пикники.

Прижимая добычу к груди, я попятилась к выходу. Я смотрела на спину мужа. Широкую, мощную спину человека, который уверен, что завтра мир снова прогнется под него.

«Спи, Веня, — подумала я со злой горечью. — Набирайся сил. Они тебе понадобятся, когда ты поймешь, что "мебель" научилась ходить».

Я выскользнула в коридор и бесшумно прикрыла за собой дверь.

Моя мастерская — самая маленькая комната в квартире. Бывшая кладовка, которую мы расширили за счет коридора. Вениамин называл ее «швейным закутком». Для меня же это был храм.

Здесь пахло иначе. Не ванилью и не котлетами. Здесь пахло машинным маслом, мелом, отпаренной шерстью и немного пылью от тканей. Запах труда. Запах творчества.

Я включила настольную лампу, направив луч вниз, чтобы свет не бил в коридор.

По стенам, как молчаливые стражи, стояли манекены. "Дэвид" — мужской торс, на котором я собирала тот самый смокинг. Сейчас он был голым, черная обтяжка тускло блестела в полумраке. "Мэрилин" — женский манекен с осиной талией, на котором висело недошитое платье для соседки.

Я бросила подушку на диванчик для клиентов. Это была узкая, жесткая кушетка из экокожи, предназначенная для того, чтобы заказчик мог посидеть десять минут, листая журнал, пока я снимаю мерки или подкалываю подол. Спать на ней было невозможно — она была слишком короткой и скользкой.

Но выбора у меня не было.

Я постелила плед, пытаюсь хоть как-то смягчить жесткость сиденья. Сняла тапочки. Легла, поджав ноги к груди, потому что выпрямиться не получалось. Коленки уперлись в спинку, локоть свесился.

Холод от экокожи пробирался сквозь плед. Я натянула его до самого подбородка, пытаюсь согреться, но дрожь била изнутри. Это был нервный озноб, откат после шока.

Я лежала и смотрела на свои машины. Моя гордость — швейно-вышивальная Pfaff, мой верный оверлок Juki, парогенератор. Вениамин сказал: «Я заберу всё». Он знал, куда бить. Для пианиста забрать рояль — это смерть. Для меня лишиться машинок — значит лишиться рук.

Страх ледяной змеей зашевелился в животе.

А что, если он правда выгонит меня? Прямо завтра? У меня на карте — три тысячи рублей. Этого не хватит даже на съем комнаты на окраине. У меня нет накоплений — все деньги уходили в «общий котел», то есть на машину Вени, на ремонт, на его костюмы, на продукты. Я не откладывала, потому что верила: мы — одно целое.

Какая же я была дура.

«Ноль без меня».

Я закрыла глаза, и слезы, горячие и злые, наконец прорвались. Они текли по вискам, капали на жесткую подушку. Я плакала беззвучно, закусив край пледа, чтобы не выть.

Но вместе со слезами выходило и оцепенение.

— Ноль... — прошептала я в темноту. — Значит, ноль?

Я посмотрела на "Дэвида". На его идеально выверенные пропорции.

Кто создал эти пропорции, Афанасьев? Кто скрывал твою сутулость сложным кроем спинки? Кто подбирал ткань так, чтобы твой живот казался плоским? Кто выстраивал твой имидж, благодаря которому ты сейчас сидишь в кресле директора, а не перекладываешь бумажки в архиве?

Ты — манекен, Вениа. Красивый, лакированный, но пустой внутри. А я — мастер.

Я вытерла слезы кулаком. Злость — хорошее топливо. Она греет лучше, чем флисовый плед.

Я встала, подошла к двери и щелкнула шпингалетом. Маленькая металлическая задвижка. Хлипкая защита от большого мира, но сейчас она казалась мне крепостной стеной. Это была моя территория. И сюда я его не пущу.

Я вернулась на неудобный диван, свернулась клубком и провалилась в тяжелый, рваный сон, в котором Вениамин танцевал с манекенами, а я пыталась пришить ему пуговицу, но игла ломалась снова и снова.

Утро началось не с солнечного луча, а с пронзительного писка будильника за стеной. Семь ноль ноль.

Мое тело среагировало быстрее мозга. Я дернулась, пытаюсь вскочить, но ударилась коленом о жесткий подлокотник дивана. Боль мгновенно вернула меня в реальность.

Я не в спальне. Я в мастерской. Вчера был ад.

За стеной будильник продолжал надрываться. Вениамин никогда не вставал с первого звонка. Обычно я толкала его в плечо: «Веня, пора, опоздаешь». Потом я шла на кухню, включала кофемашину, ставила вариться овсянку (на воде, без соли, как велел гастроэнтеролог), доставала из шкафа свежую рубашку и гладила её, пока варился кофе.

Это был ритуал, отработанный годами. Мои мышцы помнили каждое движение.

Сейчас, в 7:02, меня ломало, как наркомана.

Мне хотелось встать. Хотелось пойти туда. Это было почти физической потребностью — привести хаос в порядок. «Он же проспит. Он не найдет носки. Он поест бутербродов и у него заболит желудок».

Я села на диване, обхватив себя руками. Меня трясло.

— Сиди, — приказала я себе шепотом. — Сиди, Валя. Если ты сейчас выйдешь, ты проиграла.

За стеной наконец стих будильник. Послышалось кряхтение, скрип кровати. Тяжелые шаги — шлеп-шлеп-шлеп — в сторону туалета. Шум воды.

Я сидела, глядя на закрытую дверь мастерской, и отсчитывала секунды.

Сейчас он пойдет на кухню.

Шаги прошаркали по коридору мимо моей двери. Звякнула посуда. Хлопнула дверца холодильника. Тишина. Потом снова хлопок, более резкий.

— Валя! — голос был хриплым спросонья и недовольным. — Молока нет! Ты что, вчера не купила?

Я вжала голову в плечи. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах.

Не отвечать. Не отвечать.

— Валя! — голос стал громче, приблизился. — Ты где вообще? Время видела? Кофе где?

Шаги приблизились к мастерской. Я увидела, как дернулась ручка двери. Вниз-вверх.

Шпингалет звякнул, но удержал оборону.

За дверью повисла пауза. Вениамин явно не ожидал сопротивления от фурнитуры.

— Ты что, закрылась? — в голосе прозвучало искреннее изумление. — Валя, ты там? Ты что, с ума сошла? Открой! Мне рубашка нужна, голубая, я вчера ту запачкал!

Я смотрела на ручку, которая дергалась, как живая. Мне было страшно. Страшно, что он выбьет дверь. Страшно, что он начнет орать так, что услышат соседи. Но еще страшнее было открыть и увидеть его лицо — лицо хозяина, требующего обслуживания.

— Валя! — он стукнул кулаком в дверь. — Хватит дурить! Я опаздываю! Где мои носки?

Я набрала в грудь воздуха.

— В ящике, Вениамин, — крикнула я. Голос дрожал, но прозвучал достаточно громко.

— Руки есть — найдешь. Утюг в шкафу.

Тишина за дверью стала плотной, осязаемой. Он переваривал. Мебель заговорила. У плиты выросли зубы.

— Ах вот как... — протянул он зловеще. — Значит, война? Ну ладно. Ладно, Валя. Поиграем.

Я слышала, как он тяжело дышит.

— Я сейчас уйду, — сказал он через дверь, чеканя слова. — Но вечером мы поговорим. И разговор тебе очень не понравится. Готовься собирать вещи, "Афанасьева".

Он ударил по двери ладонью — напоследок, чтобы запугать.

Шаги удалились на кухню. Я слышала, как он гремит чашками, что-то роняет, матерится. Запахло горелым хлебом — тостер передержал.

Я не вышла. Я вцепилась пальцами в край пледа и качалась из стороны в сторону, как маятник.

Минут через десять хлопнула входная дверь. Так сильно, что в мастерской звякнули ножницы на столе.

Замок щелкнул.

Он ушел.

Я выдохнула, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. В квартире воцарилась тишина. Но это была уже не та тишина, что вчера. Вчера это была тишина склепа. Сегодня это была тишина после первого боя.

Я выжила. Я не сварила кофе. Я не погладила рубашку.

И мир не рухнул.

Я медленно встала с дивана, подошла к окну и раздвинула шторы. На улице занималось серое, пасмурное утро. Обычное утро обычного дня.

Только я в этом дне была уже другой. Я еще не знала, как буду жить дальше, где возьму деньги и как отвоюю свои машинки. Но я точно знала одно: штопать его брюки — и его это — я больше не буду.

Я посмотрела на свои руки. На пальце все еще алел след от укола иглой.

— Ну что, Валя, — сказала я своему отражению в темном стекле. — Добро пожаловать в реальный мир. Инструкция к жизни — найди сама.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/GdS5> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 5

В квартире пахло пылью.

Это был едва уловимый, призрачный запах, который обычный человек, возможно, и не заметил бы. Но я, потратившая четверть века на то, чтобы превратить эти бетонные стены в стерильную операционную уюта, чувствовала его кожей.

Пыль лежала на зеркальной консоли в прихожей — тончайшим серым налетом. Она пряталась в углах плинтусов, скапливалась на глянцевых боках кофемашины. Раньше я вытирала её автоматически, проходя мимо с тряпкой. Это был безусловный рефлекс, как моргание. Теперь я проходила мимо, засунув руки в карманы растянутого кардигана, и заставляла себя не смотреть.

Прошло два дня. Сорок восемь часов холодной войны, объявленной в одностороннем порядке.

За эти два дня наша квартира превратилась из «семейного гнездышка» в коммуналку, где живут два врага, вынужденные делить один санузел.

Вениамин выбрал тактику «сюзерен и непокорный вассал». Он игнорировал мое присутствие, когда мы сталкивались в коридоре, но при этом демонстративно громко вздыхал, натываясь на последствия моей забастовки.

— Опять чашка, — бурчал он, отодвигая грязную кружку, которую сам же оставил на тумбочке вчера вечером. — Свиначник.

Он ждал, что у меня сдадут нервы. Что моя внутренняя «хозяйюшка» взбунтуется против грязи, и я схвачусь за "Мистер Мускул". Он не понимал одного: когда рушится жизнь, пыль на полке становится самой меньшей из проблем.

Я обитала в мастерской. Мой швейный закуток стал бункером. Я выходила только когда слышала, что хлопнула входная дверь — Вениамин уходил на работу. Тогда я быстро принимала душ, стирала свое белье (и только свое!), заваривала чай и снова пряталась.

Вечером второго дня атмосфера в доме сгустилась до состояния грозовой тучи.

Я сидела в мастерской, перебирая старые лекала. Работа не шла, руки дрожали, но мне нужно было чем-то занять пальцы, чтобы не сойти с ума от тревоги.

Щелкнул замок.

Вениамин вернулся.

Он вошел шумно, по-хозяйски. Топот тяжелых ботинок, шуршание плотных пластиковых пакетов. Я напряглась, прислушиваясь. Судя по звуку, он зашел в дорогой гастроном.

— Есть кто живой в этом склепе? — его голос прозвучал нарочито бодро, с издевкой.

Я не ответила. Продолжала складывать выкройки, хотя строчки плыли перед глазами.

Шаги приблизились. Дверь мастерской распахнулась без стука. Шпингалет я не закрыла — днем выходила и забыла.

Вениамин стоял на пороге, румяный с мороза, в своем кашемировом пальто (которое я чистила щеткой каждое воскресенье). В руках он держал два туго набитых пакета с логотипом элитного супермаркета.

— Все сидишь? — он окинул меня презрительным взглядом. — Глаза не испортишь в потемках?

— Свет дорогой, — отозвалась я, не поднимая головы. — Экономлю твои деньги.

Он хмыкнул. Мой сарказм отскочил от него, как горох от стены.

— Ну-ну. Партизань дальше. Долго не продержишься, желудок — не тетка.

Он прошел на кухню, шурша пакетами. Я слышала, как он выкладывает покупки на стол. Стук стеклянной бутылки (дорогое вино или коньяк?), шлепнулся вакуумный пакет с нарезкой, зашуршала фольга.

Я знала этот репертуар. Он купил деликатесы. Пармскую ветчину, выдержанный сыр, может быть, икру. То, что можно положить на язык и почувствовать себя аристократом. Но я готова была поспорить на свою швейную машинку, что он не купил ни хлеба, ни молока, ни картошки, ни туалетной бумаги. В его картине мира эти базовые вещи материализовывались в шкафах сами собой, благодаря магии феи-крестной по имени Валя.

— Валя! — крикнул он с кухни. — Иди сюда! Тут дело есть!

Я сжала ножницы так, что металл врезался в ладонь. Не пойду.

— Валя! Я кому говорю? Это важно!

В его голосе не было угрозы, скорее, предвкушение. Он хотел шоу.

Я встала. Медленно, пересиливая желание забаррикадироваться шкафом. Мне нужно было воды, графин в мастерской опустел еще в обед.

Когда я вошла на кухню, Вениамин сидел за столом, нарезаая сыр с плесенью. Он даже не переоделся, только расстегнул пальто, демонстрируя, что он здесь проездом, в гостях у нерадивой obsługi.

На столе лежал его телефон. Экран светился.

— Слушай и учись, как нормальные женщины общаются с мужчинами, — он подмигнул мне и нажал на иконку громкой связи.

Гудок. Второй.

— Алло? Венечка? — женский голос заполнил кухню.

Это была София. Но не та хищница, что смотрела на меня с фото. Сейчас её голос звучал так, словно пятилетняя девочка потеряла маму в торговом центре. Тонкий, капризный, с придыханием.

— Да, моя хорошая, я тут, — Вениамин мгновенно сменил тембр. Из его голоса исчезли стальные нотки, появилось что-то вязкое, сладкое, как сгущенка. — Что случилось, Софушка? Ты плачешь?

Я прислонилась к дверному косяку, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Этот тон... Так он разговаривал со мной двадцать лет назад, когда я боялась идти к стоматологу. Теперь этот тон принадлежал другой.

— Венечка, это катастрофа! — всхлипнула трубка. — Я стою у «Плазы», ну, где мы обедали. Я вышла, а тут... тут просто океан! Огромная лужа! А я в тех замшевых лодочках, ну, бежевых, помнишь? Если я ступлю, им конец! Они же размокнут!

Вениамин самодовольно посмотрел на меня, проверяя реакцию. Смотри, мол, какая у меня женщина. Нежная. Хрупкая.

— Бедная моя девочка, — проворковал он в динамик. — Ну конечно, нельзя портить туфельки.

— Забери меня-я-я! — протянула София. — Я не могу дойти до такси, оно встало на той стороне, а тут грязь! У меня лапки, Веня! Я не умею прыгать через лужи!

«У меня лапки».

Меня передернуло. Перед глазами всплыла картина пятилетней давности. Мы делали ремонт на даче. Грузчики напились и не приехали. Вениамин схватился за спину — радикулит. И я, «сильная женщина», таскала мешки с цементом и плитку, потому что «надо успеть до дождя». Я сбила все ногти, сорвала спину, но перетаскала. А он стоял на крыльце и руководил: «Валя, осторожнее, углы не отбей».

У меня не было лапок. У меня были рабочие, грубые руки, которыми можно забивать гвозди. И именно поэтому меня не жалели. Жалеют тех, у кого лапки.

— Не плачь, маленькая, — Вениамин расплылся в улыбке, отрезая кусок сыра. — Я сейчас вызову тебе «Бизнес-класс», водитель подъедет прямо к крыльцу и перенесет тебя, если надо. Жди, солнышко.

Он отключил звонок и посмотрел на меня с торжеством победителя.

— Видела? — спросил он, отправляя сыр в рот. — Вот это — женщина. Хрупкая, беззащитная. Ей хочется помогать. Ради неё хочется горы свернуть.

— Лужи, — поправила я сухо. — Ради неё хочется переплыть лужу. Не путай масштаб, Вениа.

Он поперхнулся, но быстро восстановил самообладание.

— Язвишь? Ну-ну. Зависть — плохое чувство, Валя. София — цветок. А ты... ты кактус. Колючий и пыльный.

Он встал, снял пальто, небрежно бросив его на спинку стула (еще один укол — он знал, что пальто помнется, и я должна буду его отпарить).

— Ладно, лирику в сторону. Я голоден как волк. Весь день на нервах, переговоры с поставщиками. В животе урчит так, что стыдно перед коллегами было.

Он подошел к плите. Поднял крышку большой эмалированной кастрюли, в которой я обычно варила его любимый диетический суп с фрикадельками из индейки.

Звякнул металл.

— Пусто? — он обернулся, его брови поползли вверх. — Я не понял. Валя, где суп?

— В магазине, — ответила я, наливая воду в стакан. Руки дрожали, но я старалась держать лицо. — В отделе кулинарии. Там большой выбор.

Вениамин открыл холодильник. Свет лампочки осветил девственно чистые полки. Пачка майонеза, полбанки засохшего хрена и мои йогурты. Ни кастрюль, ни контейнеров, ни подогреленных с вечера полуфабрикатов.

Он захлопнул дверцу с такой силой, что звякнули магнетики.

— Ты издеваешься? — его голос стал низким, опасным. Игры в «сладкого папика» закончились. Вернулся домашний тиран. — У меня гастрит, Валя! Ты знаешь, что мне нельзя покупное! Мне нужно паровое, нежирное, свежее! У меня с утра изжога, я думал, приду домой, поем нормальной еды...

Он схватился за желудок, картинно сморщившись.

— Ай... Вот, опять режет. Ты добиваешься, чтобы меня на скорой увезли?

Это был его коронный номер. Спекуляция на здоровье. Раньше это работало безотказно. Стоило ему охнуть, как я бросала все и бежала заваривать семена льна и варить овсяный кисель.

Я посмотрела на него. На его румяное лицо, которое совсем не выглядело изможденным болезнью. На пакеты с жирной колбасой и острым сыром, которые он только что принес.

— Если у тебя гастрит, Вениамин, зачем ты купил салями? — спросил я тихо.

— Это... это на перекус! — он смутился на секунду, но тут же перешел в наступление. — Не переводи стрелки! Где мой ужин? Почему плита холодная? Ты два дня сидишь дома, ничего не делаешь!

— Я работаю, — возразила я.

— Хватит называть это работой! — рявкнул он. — Твои тряпки — это хобби! А твоя обязанность — кормить мужа! Я приношу деньги, ты обеспечиваешь быт. Мы договаривались!

— Мы договаривались, когда мы были семьей, — я поставила стакан на стол. — А теперь у тебя есть София. У неё лапки, но, может быть, она умеет держать поварешку?

Вениамин рассмеялся. Зло, лающее.

— София? Готовить? Ты в своем уме? Она творческая натура! Она создана для вдохновения, для красоты! Она не должна стоять у плиты и вонять луком! Для этого есть ты!

Вот оно. Момент истины.

Слова повисли в воздухе, тяжелые и липкие, как недоваренная каша.

Творческая натура не должна вонять луком. А я, значит, должна. Я — профессиональный модельер-конструктор, чьи платья когда-то занимали призовые места на выставках, — я рождена для запаха лука.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается холодная, кристально чистая ярость. Она выморозила страх, выморозила жалость к его гастриту.

— Значит, София — для вдохновения, — медленно произнесла я. — А я — для обслуживания.

— Наконец-то дошло! — он развел руками. — Да! Каждому свое, Валя. Кесарю — кесарево, слесарю — слесарево. Ты хозяйка, ты умеешь создать уют. Это твой талант. Вот и примений его. Свари суп, Валя. Быстро. У меня правда болит живот.

Он сел за стол, ожидая, что я сейчас кинусь к холодильнику, достану замороженную индейку и начну творить чудеса.

Я подошла к столу. Но не к плите.

На краю стола лежал ворох рекламных буклетов, которые мы обычно выкидывали не глядя. Я порылась в них и выудила яркий флаер доставки еды.

— Держи, — я положила листовку перед ним.

Он уставился на гляцевую бумажку с изображением пиццы и роллов.

— Что это?

— Это меню твоего ужина, Веня, — сказала я спокойно, глядя ему в глаза. — Услуга «заботливая жена», которая варит паровые тефтельки в три часа ночи, отключена за неуплату уважения. Абонент находится вне зоны действия вашей совести.

— Ты... — он начал багроветь. — Ты серьезно? Ты отправишь меня есть этот фастфуд? С моим желудком? Ты хочешь моей смерти?

— Я хочу, чтобы ты понял одну простую вещь, — я наклонилась к нему, опираясь руками о стол. — Если у твоей «музы» лапки, то у меня — гордость. И мои руки, Вениамин, стоят дороже, чем твой гастрит. Закажи себе бульон. В ресторане. Ты же «Человек года», у тебя есть деньги.

Я выпрямилась.

— Приятного аппетита.

Я развернулась и пошла прочь из кухни. Спина горела, я ждала удара, крика, летящей тарелки.

— Ну и стерва же ты, Афанасьева! — полетело мне вслед. — Пожалеешь! Ты еще приползешь ко мне, когда деньги закончатся! Когда жрать захочешь, вспомнишь про мужа!

Я не обернулась. Я шла по коридору, чувствуя, как дрожат колени, но спина оставалась прямой, словно к позвоночнику привязали ту самую линейку, которой я когда-то чертила выкройки.

Дверь мастерской захлопнулась, отрезая меня от кухни и от его ядовитой слюны. Я с лязгом задвинула шпингалет. Маленький кусочек металла — моя единственная защита от человека, с которым я собиралась встретить старость.

Я прижалась лбом к прохладному дверному полотну и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь гулким пульсом в висках. Адреналин схлынул, оставив после себя слабость и тошноту.

Я сделала это. Я отказалась его кормить. Я нарушила главный закон нашего брака: «Веня должен быть сыт и доволен, чего бы это ни стоило Вале».

За дверью послышался грохот отодвигаемого стула. Тяжелые шаги. Вениамин метался по кухне, как раненый медведь. Хлопали дверцы шкафов — он искал заправки. Печенье? Сушки? Ничего. Я не покупала ничего к чаю уже три дня.

— Черт бы побрал эту диету! — рявкнул он.

Потом наступила тишина. Я задержала дыхание. Неужели он сейчас начнет готовить сам? Неужели сварит себе яйцо или овсянку?

Но вместо звука зажигаемой конфорки я услышала голос. Раздраженный, требовательный.

— Алло! Доставка? Да, адрес тот же... Нет, не бульон! Какого черта бульон? Пиццу мне. Самую большую. «Мясной удар». Да, с беконом и салями. И крылья острые. И колу. Быстрее давайте, я голоден как собака!

Я сползла по двери на пол.

«Мясной удар». Острые крылья. Кола.

Вот тебе и гастрит. Вот тебе и «язва на моей совести». Его желудок чудесным образом исцелился, стоило мне отказать в паровых котлетах. Вся его болезнь была спектаклем, дешевой манипуляцией, чтобы удержать меня у плиты, пока он развлекается со своей «творческой натурой».

Я сидела на полу в темноте мастерской, обхватив колени руками, и меня трясло от злого, истерического смеха. Какая же я была дура. Двадцать пять лет я вымачивала индейку, протирала овощи через сито, считала калории, берегла его драгоценное здоровье... А ему просто нужно было обслуживание. Не забота, а сервис.

Через сорок минут в дверь квартиры позвонили.

Вениамин открыл курьеру. Щелчок замка, бубнеж, писк терминала оплаты.

А потом в мою келью просочился Запах.

Он был агрессивным, жирным, вульгарным. Запах дешевого теста, пережаренного масла, чесночного соуса и копченостей. Он заполнил собой квартиру, вытесняя запах пыли и моего отчаяния.

Вениамин ел на кухне. Он не закрыл дверь, и я слышала, как он чавкает, как шуршит картонной коробкой, как глотает газировку. Потом он включил телевизор. Громко. Какое-то юмористическое шоу, где закадровый смех звучал каждые три секунды.

Он смеялся вместе с телевизором. Громко, нарочито.

— Ха! Вот это дали! — комментировал он в пустоту, зная, что я слышу. — Вот это жизнь! Пицца, телик, и никто не пилит над ухом про холестерин! Красота!

Он вел психологическую войну. Он показывал мне: «Смотри, Валя. Мне без тебя хорошо. Я сыт, мне весело. Ты не нужна. Твой бойкот — пшик».

Я встала с пола. Меня мутило от запаха жирной пиццы, но еще больше мутило от жалости к себе. Хватит сидеть в углу, как побитая собака.

Я подошла к рабочему столу. Включила парогенератор. Вода в резервуаре забулрила, нагреваясь.

Я достала из шкафа отрез темно-синего шелка. Тот самый, который берегла для особого случая. Я хотела сшить из него платье на наш серебряный юбилей, который должен был быть через месяц. Юбилея не будет. Но ткань осталась.

Я расстелила шелк на гладильной доске. Холодный, скользкий, благородный материал. Он успокаивал руки.

Парогенератор фыркнул, выпуская облако горячего пара. Пш-ш-ш. Белое облако окутало меня, создавая защитный барьер. Запах горячей влаги и чистоты перебил вонь салями.

Я провела утюгом по ткани. Идеально ровная полоса. Хаос превращался в порядок.

За стеной Вениамин рыгнул и снова загоготал над шуткой из телевизора.

Ешь, Веня. Ешь свою пиццу, заливай в себя колу, набивай желудок, который ты так берег чужими руками. Наслаждайся своей свободой от «духоты» и заботы.

Я нажала кнопку подачи пара.

Ты думаешь, что у Софии лапки только для того, чтобы их целовать? Скоро ты узнаешь, что эти лапки не умеют держать ни утюг, ни поварешку, ни твою голову, когда тебя скрутит настоящий приступ, а не тот, который ты разыгрывал передо мной.

Я провела ладонью по горячему шелку. Мои руки были грубыми, исколотыми, с короткими ногтями без маникюра. Не то что у его музы. Но именно эти руки создавали его фасад.

И именно эти руки теперь его разрушат.

Я выключила утюг, аккуратно сложила ткань и посмотрела на дверь. Завтра будет новый день. И завтра ему понадобится чистая рубашка и целые брюки для похода в администрацию. Я улыбнулась в темноте. Злой, нехорошей улыбкой.

Жди утра, Веня. Твой «мясной удар» — это только начало.

Глава 6 (Веня)

от лица Вени

Пробуждение было отвратительным. Оно началось не с солнечного луча и не с пения птиц, а с пожара. Пожар полыхал у меня в пищеводе, поднимаясь едкой, кислой волной к самому горлу.

Я резко сел на кровати, хватая ртом воздух. Изжога. Будь она неладна, эта проклятая изжога. Вчерашний «Мясной удар» наносил ответный удар сегодня утром, и бил он ниже пояса — по моему самочувствию в самый ответственный день месяца.

Будильник на тумбочке надрывался противным электронным писком. 06:45.

Я хлопнул ладонью по кнопке, затыкая этот мерзкий звук, и простонал, потирая виски. Голова гудела, словно я вчера выпил не банку колы, а бутылку дешевого портвейна. Во рту был вкус медной проволоки.

— Валя... — хрипло позвал я по старой привычке. — Воды...

Тишина.

Ах да. Война. Блокада Ленинграда в масштабах одной отдельно взятой трешки.

Я спустил ноги на пол, чувствуя, как холодный ламинат обжигает ступни. Обычно здесь лежали тапочки — носками к кровати, чтобы я мог сразу нырнуть в тепло. Сегодня тапочки валялись где-то под креслом, куда я их вчера отшвырнул.

Пришлось встать и идти босиком.

В зеркале ванной комнаты меня ждало зрелище, достойное фильма ужасов. Из амальгамы на меня смотрел не «Человек года», не региональный директор и даже не «Серебряный лис», как называла меня София в минуты нежности. На меня смотрел китайский пчеловод.

Лицо отекло. Под глазами залегли тяжелые, налитые водой мешки — спасибо соли и специям в дешевой салими. Кожа приобрела какой-то землистый, серый оттенок, а нос лоснился от жира.

— Черт... — выдохнул я, ощупывая одутловатую щеку. — Ну спасибо тебе, женушка. Удружила.

Злость на Валю вспыхнула мгновенно, как спичка. Это ведь ее вина. Исключительно ее. Если бы она вчера не устроила этот цирк с «лапками» и приготовила мне нормальные паровые котлеты из индейки, я бы сейчас выглядел как огурчик. Мой организм — это тонко настроенный инструмент, он не переваривает мусор. А она заставила меня жрать этот мусор. Отравила меня назло.

Я схватил тюбик с зубной пастой. Нажал. Тюбик издал неприличный звук и выплюнул жалкую, полупрозрачную каплю. Пусто.

Я скрутил его в узел, пытаясь выдавить хоть что-то, но паста кончилась.

— Да вы издеваетесь! — рявкнул я своему отражению.

Валя всегда следила за запасами. В шкафчике всегда лежал новый тюбик «Marvis», стоило старому подойти к концу. А теперь? Мне что, чистить зубы мылом? Или воздухом?

Я швырнул пустой тюбик в раковину. Ярость закипала, бурлила вместе с желудочным соком. Это уже не просто бойкот. Это саботаж. Она намеренно разрушает мою жизнь, выбивает почву из-под ног перед важной встречей. Она знает, что сегодня я еду в администрацию. Знает, что там будут люди из мэрии. И она хочет, чтобы я пришел туда с гнилыми зубами и опухшей рожей?

Кое-как почистив зубы остатками пасты, которую пришлось выковыривать из горлышка зубочисткой, я умылся ледяной водой. Отек спал совсем немного, но глаза все равно напоминали щелочки.

Полотенце на сушилке оказалось влажным и затхлым. Она не включила подогрев. Мелочная, гадкая месть.

Вытираясь мокрой махрой, я дал себе слово: сегодня же вечером я поставлю вопрос ребром. Хватит игр в демократию. Либо она возвращается к своим обязанностям, либо я действительно перекрываю ей кислород. Посмотрим, как она запоеет, когда я отключу интернет и заберу ключи от дачи.

Я вышел из ванной, чувствуя себя разбитым корытом. Но времени на жалость к себе не было. Часы тикали.

07:15.

У меня было сорок пять минут на то, чтобы превратить это помятое нечто в успешного мужчину. И дело было не только в администрации.

Перед работой я должен был заехать за Софией. Мы договорились позавтракать в «Круасан & Кофе» — модном местечке, где собирается вся золотая молодежь и бизнес-элита города. София обожала это место. Она сказала: «Венечка, я хочу выпить кофе с моим победителем. Пусть все видят, какой ты у меня шикарный».

Шикарный.

Я посмотрел на свой живот, который предательски выпирал над резинкой трусов. Да уж.

Я открыл гардеробную. Это было царство Вали — она развешивала всё по цветам, сезонам и назначению. Но сейчас здесь царил хаос, созданный мной за последние два дня.

Белая рубашка с пятном от тональника валялась в корзине (я проверил — пятно не исчезло, Валя его не трогала). Розовая, которую я надевал позавчера, висела на спинке стула, мятая и несвежая.

Я начал перебирать вешалки.

— Так, голубая... — я достал сорочку небесного оттенка. Она освежала лицо и подчеркивала седину.

Я надел её. Ткань холодило кожу. Застегнул пуговицы. Вроде бы ничего, но... Рукав. На локте была предательская складка. Не критичная, но заметная, если приглядеться. Валя всегда отпаривала рукава так, что ими можно было резать бумагу.

— Ладно, под пиджаком не видно, — пробормотал я, успокаивая себя.

Теперь брюки.

Это был самый важный элемент. Джинсы не подходили — слишком неформально для мэрии. Старые черные брюки лоснились на коленях.

Нужны были они. Мои любимые. Серые, из итальянской шерсти Super 150s. Легкие, дышащие, с идеальной посадкой. Валя сшила их мне на заказ полгода назад, но ткань я выбирал сам (ну, платил я, а выбирала она, но утверждал-то я!). Эти брюки творили чудеса: они утягивали живот, удлиняли ноги и делали задницу подтянутой, как у сорокалетнего.

Я снял их с вешалки. Ткань струилась в руках, прохладная и благородная. Вот это уровень. В таких брюках не стыдно сесть в кресло напротив вице-мэра. В таких брюках не стыдно войти в кофейню под руку с молодой красавицей.

Я влез в штанины. Пришлось сделать глубокий вдох и втянуть живот, чтобы застегнуть пуговицу. «Мясной удар» все еще занимал слишком много места внутри меня.

Ремень. Щелчок пряжки.

Я подошел к большому ростовому зеркалу в спальне. Повернулся боком.

Неплохо. Живот втянулся, осанка выпрямилась. Пиджак скроет огрехи фигуры, а брюки... Брюки сидят как влитые. Стрелки острые, длина идеальная — ровно до середины каблука, ни миллиметром выше, ни миллиметром ниже.

Я одернул штанину, стряхивая несуществующую пылинку.

И замер.

Мой взгляд зацепился за что-то неправильное на правом бедре, чуть ниже кармана.

Маленькая белая точка.

Я наклонился, щурясь. Сердце пропустило удар.

Это была не пылинка. Это была зацепка.

Видимо, вчера, когда я вылезал из такси с пакетами, я задел бедром о какой-то острый край двери или гвоздик в обивке. Или, может быть, это случилось, когда я ерзал на стуле, поедая пиццу. Неважно как. Важно — что.

Из гладкого, серого полотна дорогой шерсти торчала крохотная петля вытянутой нити. И от этой петли вверх и вниз, сантиметра на полтора, пошла тонкая, едва заметная, но безнадежная «стрелка» деформации ткани.

На темном фоне это выглядело как шрам. Как бельмо на глазу.

— Нет... — простонал я. — Только не это.

Я попытался аккуратно подцепить нитку ногтем, чтобы заправить ее обратно. Глупость. Ткань натянулась, и «стрелка» поползла дальше, превращаясь в отчетливую полосу.

Паника накрыла меня ледяной волной.

Я не могу в этом пойти. Это видно. В администрации свет яркий, там лампы дневного света, они высвечивают всё. Если я сяду, ткань натянется, и дырка станет огромной. На меня будут смотреть как на оборванца.

А София? Она же эстетка. Она заметит сразу. «Венечка, у тебя штанишки порвались?». Позор. Унижение. Я должен быть Королем, а Короли не ходят в рванине.

Я метнулся к шкафу. Что еще?

Синие брюки? Малы. Я не влезу в них с этим животом.

Джинсы? Исключено.

Костюм в полоску? Он зимний, слишком плотный, я в нем сварюсь, да и выглядит он старомодно.

Вариантов не было. Только эти серые. Итальянские. Идеальные. Испорченные.

Я посмотрел на часы. 07:35.

Двадцать пять минут до выхода. Такси уже, наверное, назначено. София уже красит губы. Что делать?

В голове, затуманенной паникой и похмельем, билась только одна мысль.

Валя.

Она мастер. Она волшебница. Я видел сотни раз, как она убирала такие зацепки за две минуты. У нее есть какой-то специальный крючок, пар, какая-то магия. Она делает «вжик» — и ткань снова как новая. Ни следа.

Да, мы в ссоре. Да, у нас бойкот. Но это — форс-мажор! Это ЧП государственного масштаба! Речь идет о моей репутации, о моем лице! Она же моя жена, черт возьми. Она носит мою фамилию. Позор мужа — это ее позор.

Она не откажет. Она не посмеет отказать. Она же понимает, что я не могу пойти к вице-мэру с дыркой на заднице (ну, почти на заднице). Она поворчит, набьет цену, но сделает. Профессиональная гордость не позволит ей выпустить меня из дома в таком виде.

Я судорожно расстегнул ремень. Втянул живот, стягивая брюки. Пуговица отлетела бы, если бы я не был так быстр, но сейчас мне было плевать на пуговицы.

Я остался в трусах-боксерах и голубой рубашке. Вид был нелепый — волосатые ноги, носки, натянутые до щиколоток, и крахмальный воротничок. Но зеркала меня сейчас не интересовали.

Я схватил брюки в охапку. Ткань была теплой от моего тела.

Бежать.

Я выскочил в коридор. Топот моих босых ног разнесся по квартире гулким эхо.

Дверь мастерской была закрыта. Как всегда. Этот чертов шпингалет.

Я дернул ручку. Заперто.

— Валя! — заорал я, колотя кулаком в белое полотно двери. — Валя, открой! Срочно!

За дверью послышался шорох. Потом тишина. Она не спешила. Она издевалась.

— Валя! Ты слышишь?! Это вопрос жизни и смерти! Открывай, я дверь выломаю!

Щелчок. Медленный, издевательский скрежет металла.

Дверь приоткрылась.

На пороге стояла Валентина.

Она была уже полностью одета. На ней были строгие черные брюки (широкие, модные, я таких раньше не видел) и белая блузка. Волосы, обычно стянутые в пучок, были распущены и лежали аккуратным каре. На лице — легкий макияж. Она выглядела свежей, собранной и какой-то... чужой.

В руках она держала чашку с кофе. Аромат свежесваренной арабики ударил мне в нос, вызывая новый приступ слюноотделения и злости. Значит, себе она кофе сварила? В своей капсульной кофемашине, которую прятала в мастерской?

Она окинула меня взглядом. Спокойным, холодным взглядом, в котором не было ни капли сочувствия к моему полуголому виду.

— Доброе утро, Вениамин. Пожар? Или снова голод?

— Зацепка! — выдохнул я, не тратя времени на прелюдии. Я сунул ей брюки прямо под нос, едва не окунув штанину в ее кофе. — Смотри! Вот здесь! На бедре!

Она даже не моргнула. Сделала глоток кофе, глядя на меня поверх кружки.

— И что?

— Как что?! — я задохнулся от возмущения. — Ты не видишь? Это итальянская шерсть! Твоя работа! Тут нитка поползла! Я не могу так идти! Это видно!

— Видно, — согласилась она равнодушно. — Неприятность.

— Валя! Хватит паясничать! — я переступал с ноги на ногу, чувствуя, как уходит драгоценное время. — Убери это! Срочно! У тебя есть этот твой... крючок. И пар. Сделай «вжик», и всё. Делов на две минуты!

Я попытался всучить ей брюки в руки, но она отступила на шаг назад, вглубь мастерской, и мои штаны повисли в воздухе.

— Я занята, Вениамин. Я пью кофе.

— Занята?! — я чувствовал, как лицо наливается кровью. Сосуды на шее пульсировали. — Ты издеваешься? Я опаздываю! У меня встреча в восемь тридцать! Я не могу пойти в джинсах!

— Надень другой костюм.

— Какой другой?! Синий мне мал, черный зимний! Мне нужны эти! Они... они статусные!

Валя поставила чашку на край своего рабочего стола. Медленно. Аккуратно.

— Статусные, — повторила она с странной интонацией. — А твой статус, Веня, держится на одной ниточке? Как символично.

— Не философствуй! — взревел я. — Просто сделай свою работу! Ты портниха или кто? Я муж твой, в конце концов! У меня сегодня важный день!

Она молчала. Просто смотрела на меня.

Я понял, что нужно менять тактику. Давить на жалость? Нет времени. Давить на правду.

— Слушай, Валя. Я опаздываю не просто так. Я еду... я еду на завтрак. С Софией. Перед работой. В «Круассан».

Я увидел, как дернулся уголок ее глаза. Ага, задело.

— Я не могу, слышишь, не могу прийти к ней как оборванец! Она девочка из высшего общества, она ценит стиль! Если она увидит дырку, я сгорю со стыда! Ты же женщина, ты должна понимать! Ты же сама говорила, что я — лицо компании!

Я говорил быстро, сбивчиво, вываливая на нее все свои страхи. Я был уверен, что аргумент про Софию сработает. Валя поймет серьезность ситуации. Поймет, что я не могу упасть в грязь лицом перед соперницей. Женская солидарность? Нет, скорее, желание сохранить фасад семьи.

— Значит, к Софии, — тихо произнесла она.

— Да! К Софии! — крикнул я, теряя терпение. — Мы завтракаем, а потом едем в мэрию! Мне нужно выглядеть идеально! Валя, ну пожалуйста! Я заплачу! Сколько там это стоит? Пятьсот рублей? Тысячу? Я дам тебе денег вечером! Просто убери эту чертову зацепку!

Я снова шагнул к ней, протягивая серый ком ткани.

— У тебя пять минут! — рявкнул я, видя, что она стоит неподвижно. — Я пошел бриться. Чтобы когда я вернусь, брюки были как новые! Ты меня слышала?

Я швырнул брюки.

Я не передал их ей в руки. Я именно швырнул их. От нервов, от спешки, от бессилия.

Ткань пролетела разделявшее нас расстояние и упала ей на грудь. Она не поймала. Брюки соскользнули по ее белой блузке и мягкой кучей осели у ее ног. Прямо на пол.

— Пять минут, Валя! — повторил я уже из коридора, разворачиваясь. — И отпарь стрелки, они помялись, пока я их снимал!

Я побежал в ванную, на ходу хватая бритву. Сердце колотилось. Успею. Она сделает. Никуда не денется. Она же видела мои глаза. Она знает, что я в ярости. А когда я в ярости, со мной лучше не спорить.

К тому же, это её профессиональная гордость. Это её брюки. Она не позволит своему изделию выглядеть убого.

Я намылил лицо остатками пены. Руки дрожали. В зеркале отражался перекошенный от страха и злости мужик в трусах.

«Ничего, — думал я, вода бритвой по щеке. — Сейчас приведу себя в порядок, надену исправленные брюки, и я снова Король. София будет в восторге. А Валя... Валя поворчит и успокоится. Главное — результат».

Я не слышал, что происходило в мастерской. Шум воды в кране заглушал всё. Я не слышал ни звука швейной машинки, ни шипения пара.

Но я был уверен: работа кипит. Потому что иначе и быть не могло. Я приказал. А приказы Афанасьева не обсуждаются. Особенно теми, кто живет за его счет.

Глава 7

Шум воды за стеной ванной комнаты напоминал водопад. Вениамин любил включать напор на полную мощность, словно надеялся, что сильная струя смоет не только мыльную пену, но и время, которого у него катастрофически не хватало.

Я стояла посреди мастерской и смотрела вниз.

У моих ног, на полу, где еще вчера лежали обрезки ниток и пыль, теперь покоилась его гордость. Серые брюки из итальянской шерсти Super 150s. Ткань, метр которой стоил как половина моей месячной продуктовой корзины, лежала бесформенной, жалкой кучей.

Он швырнул их.

Он не положил их на стол. Не передал мне в руки, глядя в глаза с мольбой. Он просто швырнул их в меня, как швыряют грязную тряпку в лицо уборщице, которая плохо вымыла пол. Брюки соскользнули по моей блузке и упали, но он даже не обернулся. Он побежал бриться, уверенный, что я, как верная собака, подберу, отряхну и сделаю «как было».

В его картине мира это было естественно. Я — функция. Я — сервис. Если у тостера заедает рычаг, по нему можно стукнуть. Если у жены есть гордость, об нее можно вытереть ноги, а потом потребовать, чтобы она эти ноги обула в чистые ботинки.

Я медленно наклонилась.

Пальцы коснулись прохладной, шелковистой шерсти. Ткань была великолепной. Я помнила день, когда мы её покупали. Это было два года назад, мы были в отпуске. Вениамин тогда ныл, что дорого, но я настояла. Я знала, что этот оттенок «графит с искрой» сделает его моложе на десять лет. Я знала, что эта фактура скроет начинающуюся дряблость бедер.

Я создавала его образ по кирпичику. Я была архитектором его фасада. И вот теперь этот фасад валялся у моих ног.

Я подняла брюки. Они были теплыми. Тепло его тела все еще жило в волокнах шерсти, и от этого мне стало физически неприятно. Словно я коснулась чужой, грязной кожи.

Я подошла к рабочему столу. Движения были механическими, плавными, отточенными годами практики.

Включила верхний свет. Яркая лампа залила столешницу белым, хирургическим сиянием.

Я разложила брюки. Расправила стрелки, которые он, конечно же, замял в спешке. Провела ладонью по штанине.

Вот она. Зацепка.

На правом бедре, чуть ниже линии кармана. Крошечная белая петелька вытянутой нити. Вокруг неё ткань чуть собралась гармошкой, нарушая идеальную гладкость полотна.

Для обычного человека это катастрофа. Для мастера — ерунда.

Мой взгляд скользнул к игольнице. Там, среди булавок, торчал специальный крючок для поднятия петель. Тончайший, с микроскопической бородкой.

Алгоритм действий пронесся в голове за долю секунды. Ввести крючок с изнанки. Подцепить петлю. Вытянуть наизнанку. Аккуратно расправить нити иголкой. Пшикнуть паром. Прижать деревянным утюжком, чтобы зафиксировать волокна.

Две минуты. Максимум три, если руки дрожат.

И всё. Следа не останется. Брюки будут новыми. Вениамин выйдет из ванной, наденет их, посмотрит в зеркало и самодовольно хмыкнет: «Ну вот, можешь же, когда хочешь».

А потом...

Потом он наденет голубую рубашку, сбрызнет шею тем самым парфюмом, который я ему дарила, сядет в такси и поедет в «Круассан & Кофе».

К ней.

К Софии.

Я представила эту картину так ярко, словно смотрела кино на большом экране.

Вот он входит в кофейню. Подтянутый (благодаря моему крою), элегантный (благодаря моему вкусу), ухоженный (благодаря моему труду). София сидит за столиком у окна, пьет латте на миндальном молоке. Она видит его и расплывается в улыбке.

— О, мой Король! Ты выглядишь потрясающе! Эти брюки так тебе идут!

И она, возможно, положит свою руку с красным маникюром ему на колено. На то самое место, где сейчас была зацепка. Она будет гладить эту дорогую шерсть, которую я выбирала, кроила, утюжила. Она будет присваивать себе результат моего мастерства.

А я?

Я останусь здесь. В этой пыльной мастерской, с чувством выполненного долга и оплеванной душой. Я буду ждать вечера, гадая, вернется он сытым и довольным или снова потребует обслуживания.

Если я сейчас уберу эту зацепку, я стану соучастницей. Я своими руками подготовлю мужа к свиданию с любовницей. Я стану той самой «терпилой», о которой пишут в женских романах, над которыми я раньше смеялась.

«Ну же, Валя, — шепнул голос разума, похожий на голос моей покойной мамы. — Смирись. Худой мир лучше доброй ссоры. Он же муж. Он кормилец. Ну, оступился мужик. Помогите ему, он оценит. Не сейчас, так потом».

Оценит?

Я вспомнила, как он швырнул брюки. «У тебя пять минут!».

Я вспомнила его слова: «Трахать секретарш — это KPI».

Я вспомнила «мясной удар» и его смех под телевизор.

Нет, мама. Он не оценит. Он решит, что сломал меня. Что я проглотила. Что об меня можно вытирать ноги и дальше, потому что «куда она денется».

Я смотрела на зацепку. Она казалась мне маленькой язвой на теле нашей жизни. Гнойником, который нужно вскрыть.

Я не буду это чинить.

Но и просто оставить как есть я не могла. Если я верну ему брюки с дыркой, он надеет другие. Он выкрутится. Он найдет старые джинсы, наплетет Софии про «неформальный стиль», и все сойдет ему с рук.

Мне нужно было нечто большее. Мне нужно было поставить точку. Жирную, необратимую точку.

Моя рука потянулась к инструментам.

Сначала пальцы дрогнули в сторону крючка. Привычка быть «хорошей девочкой» умирала тяжело, в конвульсиях.

Но потом взгляд упал на них.

Мои закройные ножницы.

Тяжелые, цельнометаллические, немецкие. Профессиональный инструмент, который стоил как крыло самолета. Я купила их десять лет назад с первой крупной премии. Они были продолжением моей руки. Острые, как бритва. Беспощадные.

Я взяла их.

Холодная сталь колец обожгла пальцы. Тяжесть инструмента была приятной, отрезвляющей. Она давала ощущение силы. Власть над материей.

Я посмотрела на брюки.

Вениамин хотел, чтобы я решила проблему с его внешним видом? Хорошо. Я решу.

Я провела лезвиями по воздуху.

Чик-чик.

Звук был хищным, сухим.

За стеной стихла вода. Теперь он, наверное, вытирался, напевая себе под нос, предвкушая круассаны и восхищение молодой любовницы. Он был уверен, что в мастерской кипит работа по спасению его репутации.

Работа кипела.

Я взяла левую штанину. Расправила её на столе.

«Семь раз отмерь, один раз отрежь», — гласит пословица.

Я не стала отмерять. Я знала пропорции этого изделия наизусть.

Я раскрыла ножницы. Лезвия сверкнули под лампой, как гильотина.

Я завела нижнее лезвие под ткань, примерно на ладонь выше колена. Там, где начиналась линия стрелки, придающая ноге стройность.

Сердце на секунду замерло. Это была не просто ткань. Это были двадцать пять тысяч рублей. Это были часы моего труда. Это был символ статуса.

«К черту статус», — подумала я.

И сомкнула пальцы.

Хруст.

Звук разрезаемой плотной шерсти был похож на хруст ломающихся костей. Ножницы шли легко, масло масляное. Я резала ровно, уверенно, не дрогнув ни на миллиметр.

Стрелка. Боковой шов. Шаговый шов.

Отрезанная нижняя часть штанины безвольно упала на стол.

Теперь правая. Та самая, с зацепкой.

Зацепка была высоко, на бедре. Если я отрежу по ней, получатся трусы. Нет, это слишком пошло. Я хотела сделать его смешным, а не голым.

Я выровняла вторую штанину по первой.

Вжик. Хруст.

Ножницы пели свою песню. Песню освобождения. С каждым сантиметром разреза я чувствовала, как с моих плеч падает тяжеленная плита, которую я тащила годами.

Второй кусок ткани отделился от основного изделия.

Я положила ножницы на стол.

Передо мной лежало... нечто.

Это были уже не элегантные классические брюки. И это не были модные шорты-бермуды. Это был уродец. Франкенштейн портновского искусства. Широкие, с классическими защипами на талии, с отутюженными стрелками, но обрубленные грубо, с сырым, незаделанным краем, из которого уже начали сыпаться нитки.

Длина была идеальной для клоуна — чуть выше колена, открывающая самые невыгодные, бледные и волосатые части ног Вениамина.

Зацепка на бедре осталась. Она красовалась там же, где и была, но теперь она казалась такой незначительной мелочью на фоне общей катастрофы.

Я посмотрела на дело своих рук.

Внутри не было ни сожаления, ни страха. Было странное, звенящее спокойствие. И пустота. Чистая, стерильная пустота, готовая для чего-то нового.

— Готово, — сказала я вслух.

Я смахнула обрезки штанин на пол, туда, где недавно валялись сами брюки. Пусть лежат. Как улики. Как останки прошлой жизни.

Я взяла вешалку. Аккуратно, по всем правилам, зацепила за пояс то, что осталось от изделия.

В коридоре послышались шаги. Шлеп-шлеп босых ног по ламинату.

— Валя! — голос Вениамина звучал бодро, требовательно. — Ну где ты там? Я уже оделся! Время!

Он не ждал подвоха. Он был настолько уверен в своей власти надо мной, что даже не допускал мысли о бунте.

Я сняла вешалку с кронштейна. Выключила лампу. Мастерская погрузилась в полумрак, оставив меня наедине с моей мезью.

Я вышла в коридор.

Вениамин стоял у двери ванной. Он был уже в той самой голубой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и в трусах-боксерах с веселеньким узором. Лицо его сияло свежестью — он действительно побрился, нанес лосьон (запах ментола ударил мне в нос) и даже, кажется, припудрил нос, чтобы скрыть красноту.

Он был готов сиять. Ему не хватало только нижней части гардероба.

Увидев меня, он расплылся в широкой улыбке.

— Ну слава богу! Вышла! — воскликнул он, протягивая руки. — Я уж думал, ты там уснула. Давай сюда, скорее! Такси будет через семь минут, мне еще обуться надо.

Он смотрел на вешалку в моих руках. Но из-за того, что я держала её высоко, на уровне груди, а нижняя часть "изделия" была короткой, он не сразу понял, что не так. Он видел пояс, видел знакомую серую ткань.

— Ну что, убрала зацепку? — тараторил он, делая шаг ко мне. — Я знал, что ты умница. Поворчишь, но сделаешь. Ты же профи. Вечером с меня шоколадка... или что ты там любишь.

Я остановилась в метре от него.

— Держи, Вень, — сказала я. Мой голос звучал ровно, как гул швейной машинки на холостом ходу. — Твой заказ готов.

Я протянула руку, передавая ему вешалку.

Он схватил её жадно, рывком.

— Отлично! Сейчас мы...

Он поднес брюки к себе, собираясь снять их с зажимов и надеть. И тут его взгляд скользнул вниз.

Вниз по идеальной стрелке.

Вниз по гладкой шерсти.

Вниз... в пустоту.

Там, где должна была быть штанина, прикрывающая голень и лежащая мягкой складкой на ботинок, был воздух. Грубый, мохнатый срез, из которого торчали белые нити основы, болтался в районе его коленей.

Вениамин замер.

Его рот, открытый для следующей фразы, так и остался открытым. Глаза расширились, становясь похожими на два вареных яйца. Он моргнул. Один раз. Второй. Словно надеялся, что это галлюцинация, оптический обман, следствие вчерашнего алкоголя.

Он потряс вешалку. Обрубки штанин качнулись, как флаги капитуляции.

— Э... — выдавил он. Это был не звук слова, а звук выходящего из шарика воздуха.

Он поднял глаза на меня. В них был такой детский, неподдельный ужас и непонимание, что мне на секунду стало смешно.

— Валя? — прошептал он. — Это... что?

— Это шорты, Веня, — ответила я, глядя ему прямо в переносицу. — Или бриджи. Я не уверена насчет классификации. Сейчас модно экспериментировать с длиной.

— Шорты? — он взвизгнул. Голос сорвался на фальцет. — Какие к черту шорты?! Это мои брюки! Мои итальянские брюки!

Он схватил "изделие" за пояс, сорвал с вешалки и приложил к себе. Обрубленные края едва прикрывали его волосатые колени. Это выглядело гротескно. Нелепо. Чудовищно.

— Ты что наделала?! — заорал он так, что в прихожей задребезжало зеркало. — Ты что, рехнулась?! Ты их обрезала?!

Его лицо стремительно меняло цвет: с благородного бледно-розового на пунцовый, а потом на багровый. Жилка на виске вздулась и забилась в истеричном ритме.

— Ты просил убрать проблему, — спокойно пояснила я, скрестив руки на груди. — Проблема была в зацепке. Я посчитала, что зацепка — это следствие. А причина — в том, что ты слишком много на себя берешь, Вениамин. И я решила облегчить тебе ношу.

— Ты больная! — он тряс обрезками перед моим лицом. — Ты сумасшедшая! Это же шерсть! Это двадцать тысяч! Мне ехать через пять минут! В чем я поеду?! В этом?!

— Ну почему же, — я пожала плечами. — София — творческая натура. Она оценит креатив. Скажешь, что это новый тренд из Милана. «Офисный гранж». Ты же у нас законодатель моды.

— Я тебя убью... — прошипел он, делая шаг ко мне. — Я тебя сейчас...

— Не советую, — я не отступила. — У меня в кармане ножницы. И я еще не забыла, как ими пользоваться.

Он остановился. В моих глазах, наверное, было что-то такое, чего он раньше никогда не видел. Что-то страшнее истерики. Безразличие.

Он посмотрел на брюки в своих руках. На этот жалкий огрызок бывшего величия. Потом на часы в коридоре. 07:58.

— Ты уничтожила вещь... — прошептал он, осознавая масштаб катастрофы. — Ты уничтожила меня. Как я теперь пойду?

— Ногами, Веня. Ногами.

Я развернулась, чтобы уйти обратно в мастерскую. Мне больше не о чем было с ним говорить.

— Стой! — крикнул он мне в спину. — А ну стой! Ты сейчас же... ты сейчас же дашь мне другие! Черные! Зимние! Где они?!

— В химчистке, — соврала я, не моргнув глазом. Они висели в дальнем углу шкафа, но он никогда их там не найдет, потому что не знает, как выглядит чехол. — Ты же сам просил сдать их в конце сезона.

— В какой химчистке?!

— В закрытой.

Я вошла в свою комнату. На этот раз я не стала закрываться на шпингалет. В этом не было нужды. Я знала, что он не войдет. Он был раздавлен. Он стоял в коридоре в трусах и обрезках за двадцать тысяч рублей, и весь его мир, построенный на внешнем лоске, рушился, как картонный домик.

— Джинсы... — услышала я его растерянный бормот. — Придется надеть джинсы... Старые... Они же не застегнутся...

— Втяни живот, Веня! — крикнула я из комнаты. — Твоя Муза любит тебя любым, правда? Вот и проверим силу её любви.

Из коридора донесся звук удара — он швырнул остатки брюк об стену. А потом — отборный, грязный мат, который, наконец, сорвал с него маску интеллигентного чиновника.

Я села за стол и взяла в руки чашку с остывшим кофе. Руки не дрожали.

На полу валялись штанины. Я наступила на одну из них тапком.

Ощущение было приятным.

Теперь он действительно выглядел так, как заслуживал. Клоун должен быть смешным. И сегодня на арене цирка под названием «Администрация» будет аншлаг.

Глава 8

Мастерская содрогнулась. Дверь, которую я оставила приоткрытой, распахнулась от пинка, с грохотом ударившись о стену так, что на полке звякнули стеклянные баночки с пуговицами.

Вениамин влетел в мою обитель как разъяренный бык на арену. В одной руке он сжимал вешалку, на которой жалко болтались остатки его бывшего величия, в другой — обрубки штаннин. Его лицо, еще минуту назад сиявшее свежестью после бритья, теперь напоминало переспелый помидор, готовый лопнуть от внутреннего давления.

— Ты... Ты... — он задыхался, не находя слов. Воздуха ему не хватало, грудная клетка ходила ходуном под тонкой голубой тканью рубашки. — Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

Он швырнул обрезки ткани на пол, прямо к моим ногам, словно бросал перчатку для дуэли. Следом полетела вешалка с изуродованными шортами. Она ударилась о край рабочего стола и со звоном отскочила на ламинат.

— Это итальянская шерсть! — взревел он, и голос его сорвался на визг. — Ты испортила вещь за пятьдесят тысяч рублей! Пятьдесят тысяч, Валя! Это моя месячная премия! Ты больная! Ты психопатка! Тебя лечить надо, в дурку сдать!

Я сидела за столом, обхватив ладонями теплую чашку с кофе. Керамика грела пальцы, и это тепло было единственным, что удерживало меня в реальности. Я смотрела на мужа и не узнавала его. Где тот лохотный господин, который вчера вещал о «статусе» и «мужской природе»? Где тот холодный циник, который называл меня мебелью?

Передо мной прыгал и брызгал слюной истеричный, жадный подросток-переросток, у которого отобрали любимую игрушку.

— Двадцать, Веня, — поправила я тихо. Мой голос прозвучал на удивление ровно, разрезая его крик, как ножницы ткань. — Мы купуали их за двадцать тысяч. Не набивай цену своему горю.

— Какая разница?! — заорал он, топая босой ногой. — Сейчас они стоят пятьдесят! Курс вырос! Логистика! Ты уничтожила мой имидж! В чем я поеду?! Такси ждет! София ждет! Ты специально это сделала, да? Из зависти? Потому что ты старая и никому не нужная, а у меня жизнь кипит?!

Он подскочил к столу, уперся в него кулаками, нависая надо мной. От него пахло ментоловым лосьоном и страхом. Животным страхом опоздать, не соответствовать, показаться смешным.

— Я сделала то, что ты просил, — я подняла на него глаза и сделала глоток кофе. Горький вкус бодрил. — Ты просил убрать проблему. Я убрала. Зацепки больше нет на видном месте.

— Ты издеваешься... — прошипел он, глядя на меня с ненавистью. — Ты мне за это заплатишь. Клянусь, ты мне выплатишь каждую копейку! Я вычту это из твоих денег на продукты! Ты будешь сидеть на воде и хлебе, пока не компенсируешь ущерб!

— Хорошо, — кивнула я. — Вычитай. А теперь, если ты не возражаешь, покинь мою мастерскую. У меня рабочий настрой, а ты создаешь негативные вибрации.

Вениамин открыл рот, чтобы выдать новую порцию проклятий, но его взгляд упал на настенные часы.

08:05.

Время работало на меня. Каждая секунда его истерики приближала его к катастрофе.

— Черт! — выдохнул он, хватаясь за голову. — Черт, черт, черт!

Он метнулся прочь из мастерской, сшибая косяки плечами. Я слышала, как его босые пятки шлепают по коридору в сторону гардеробной.

Я поставила чашку на стол. Встала. Мне нужно было это видеть. Я не могла пропустить финал этой пьесы.

Я вышла в коридор и встала в дверях гардеробной, прислонившись плечом к косяку.

Вениамин метался среди вешалок. Он выдвигал ящики, швырял на пол свитеры, футболки, ремни. Хаос, который он создавал, был отражением хаоса в его голове.

— Где они?! — рычал он себе под нос. — Куда ты их засунула?! Черные в химчистке... Синие малы... Где те джинсы?!

— Какие джинсы, Веня? — спросила я участливо. — Те, которые ты носил на шашлыки три года назад? «Slim fit»?

— Заткнись! — рявкнул он, ныряя с головой в нижний ящик. — Да! Те самые! «Levis»! Они вечные!

Он выдернул из недр шкафа потертый сверток синего денима. Это были джинсы, которые он купил в порыве «омоложения», когда только начал закрашивать седину. Модель заушенная, молодежная, с низкой посадкой. Тогда они сидели на нем плотно. Но это было три года и пятнадцать килограммов назад.

— Ага! — торжествуя воскликнул он, распрямляя штанины. — Нашел!

Он судорожно начал натягивать их, не снимая носков.

Зрелище было жалким и завораживающим одновременно.

Штанины застряли на икрах. Итальянская шерсть скользила, как масло, а грубый, нестиранный деним сопротивлялся. Вениамин запрыгал на одной ноге, теряя равновесие, хватаясь за полки.

— Влезу... Влезу, никуда не денусь... — бормотал он, как мантру.

Он натянул джинсы до бедер. Ткань натянулась барабаном. Я слышала, как трещат швы.

— Веня, осторожнее, — заметила я холодно. — Если лопнут эти, тебе придется идти в шортах, которые я тебе любезно подготовила.

Он не ответил. Он был занят главной битвой этого утра — битвой с собственным животом.

Вчерашняя пицца «Мясной удар», запитая литром колы, сделала свое дело. Его талия, и без того расплывшаяся от сидячей работы и банкетов, сегодня была особенно объемной. Отечность добавила еще пару сантиметров.

Вениамин втянул воздух, побагровел, пытаясь свести края пояса. Пуговица и петля находились в разных часовых поясах.

— Уф-ф-ф... — выдохнул он, потом снова вдохнул, втягивая живот так, что ребра выперли через голубую рубашку.

Пальцы скользили. Он пыхтел, пот градом катился по вискам, смывая пудру и дорогой лосьон.

— Давай же... Давай, сволочь... — уговаривал он джинсы.

Рывок. Еще рывок.

Я увидела, как побелели его пальцы. С тихим, натужным скрипом металлическая пуговица вошла в петлю.

— Есть! — выдохнул он победно.

Но победа была пирровой.

Пояс джинсов впился ему в бока, выдавив над ремнем мягкие валики жира, которые тут же нависли «спасательным кругом». Голубая рубашка, заправленная внутрь, натянулась на груди, грозя выстрелить пуговицами. Из-за низкой посадки джинсов ноги казались короткими, а туловище — массивным и рыхлым.

Он выглядел как сосиска, перетянутая синей изолентой.

Вениамин повернулся к зеркалу. На секунду в его глазах мелькнуло сомнение. Он увидел то же, что и я: нелепого стареющего дядьку, который пытается молодиться.

Но времени на рефлексию не было.

— Пойдет, — бросил он сам себе. — Скажу, что «Casual Friday». Сейчас пиджак накину, он скроет.

Он схватил пиджак от того самого серого костюма.

Это была фатальная ошибка стиля.

Верх от классической итальянской тройки и застиранные джинсы с потертостями на коленях не сочетались никак. Это была не эклектика. Это был крик о помощи. Пиджак, скроенный по фигуре, топорщился на бедрах из-за толстого денима.

Но Вениамин уже не смотрел в зеркало. Он смотрел на часы.

08:12.

Он выбежал в прихожую, на ходу всовывая ноги в дорогие кожаные оксфорды. Черные лакированные туфли и синие джинсы. Идеальный комплект для сельского дискотечного вечера, но не для администрации города.

— Шнурки... — простонал он, пытаясь наклониться.

Живот, перетянутый жестким поясом, не давал согнуться. Он кряхтел, лицо наливалось кровью. Кое-как, сгибая колени, он завязал узлы, даже не бантики.

Выпрямился. Схватил барсетку.

И тут он увидел меня.

Я стояла в дверях гостиной, скрестив руки на груди. Я смотрела на него не с ненавистью, не с обидой. Я смотрела на него с жалостью. И эта жалость взбесила его больше, чем если бы я кинулась на него с кулаками.

Он шагнул ко мне. Ткнул указательным пальцем в пространство перед моим лицом. Его трясло.

— Ты думаешь, это смешно? — прошипел он. Слюна брызнула мне на щеку, я поморщилась и вытерла её тыльной стороной ладони. — Ты думаешь, ты победила, да? Испортила мне утро? Унизила?

— Ты сам себя унизил, Веня, — ответила я. — Я лишь поднесла зеркало.

— Зеркало?! — заорал он. — Ты уничтожила мою собственность! Но ты рано радуешься, Валя. Ох, рано. Я тебя уничтожу. Слышишь? Я перекрою тебе кислород. Я заблокирую все карты. Я заберу у тебя всё!

Его глаза сузились, превратившись в щелочки на отеком лице.

— Ты будешь ползать в ногах! Ты будешь умолять, чтобы я позволил тебе пришить мне пуговицу! Ты будешь жрать землю, когда поймешь, что без меня ты — пустое место! Ноль! Никто!

Он наступал на меня, пытаясь задавить авторитетом, но его комичный вид в этих тесных штанишках сводил на нет весь пафос.

— Ты приползешь, Валя. И я еще подумаю, пускать ли тебя обратно. Может, возьму в домработницы. За еду.

Я медленно подняла руку и отвела его палец от своего лица. Спокойно. Брезгливо. Как убирают ветку, хлещущую по глазам.

— Ателье закрыто, Веня, — произнесла я фразу, которая зрела во мне последние сорок восемь часов. — Услуга «жена» отключена за неуплату уважения. Баланс нулевой. Кредит доверия исчерпан.

Я сделала шаг назад и взяла с полки в прихожей маленькую катушку серых ниток, в которую была воткнута игла. Я принесла её из мастерской, предвидя этот финал.

— Хочешь быть красивым для Софии? — продолжила я, глядя, как раздуваются его ноздри. — Пусть она тебе шьет. Пусть она тебе гладит. Пусть она втягивает твой живот и лечит твой гастрит. Она же Муза. Пусть творит.

Я протянула ему катушку.

— А если у неё лапки... — я вложила нитки ему в нагрудный карман пиджака, туда, где обычно лежал накрахмаленный платок. — То штопай сам. Учись, Веня. В пятьдесят лет жизнь только начинается. Самое время развивать мелкую моторику. Говорят, это полезно для мозга. А то он у тебя, кажется, начал атрофироваться.

Вениамин застыл. Он смотрел на торчащую из кармана катушку, как на ядовитую змею. Его рот открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Он искал слова, которые могли бы ранить меня сильнее, но не находил. Моя броня была непробиваема.

— Сука... — выдохнул он наконец. — Какая же ты сука, Афанасьева.

— Приятно познакомиться, — кивнула я. — А я думала, я мебель. Оказывается, у мебели есть зубы.

На улице, за окном, просигналило такси. Два коротких гудка. Его карета прибыла.

Вениамин вздрогнул. Реальность ворвалась в его истерику, напомнив, что время вышло.

Он схватил ключи с тумбочки. Руки его тряслись так, что связка звякнула, как колокольчик прокаженного.

— Ты пожалеешь! — крикнул он, уже открывая дверь. — Ты сдохнешь с голоду в этой квартире! Я тебе ни копейки не дам! Ни копейки! Жри свои нитки!

Он вылетел на лестничную площадку.

Дверь захлопнулась с такой силой, что по косяку пошла мелкая трещина, а со стены сорвался и упал календарь с котятками.

БАМ!

Звук удара еще долго висел в воздухе, смешиваясь с осыпающейся штукатуркой.

Я стояла в тишине прихожей. Смотрела на закрытую дверь. На упавший календарь. На свое отражение в зеркале — спокойная женщина в черных брюках, с чашкой кофе в руке.

Я не чувствовала страха. Я не чувствовала боли.

Я чувствовала, как внутри расправляется пружина, сжатая двадцать пять лет назад.

Я поставила чашку на тумбочку. Прошла в мастерскую.

Там, на полу, все еще валялась вешалка с изуродованными шортами и обрезки ткани. Серые, мягкие лоскуты итальянской шерсти. Останки его репутации.

Я взяла веник и совок.

Спокойно, методичными движениями, я смела ткань в кучу. Вжик-вжик веником по ламинату.

Мусор к мусору.

Я высыпала содержимое совка в ведро. Туда же отправились «шорты». Я не собиралась их хранить как трофей. Вещи с плохой энергетикой должны покидать дом.

— Счастливого пути, Вениамин, — сказала я в пустоту. — Надеюсь, твои джинсы не лопнут, когда ты будешь кланяться вице-мэру.

Я вернулась в прихожую, подняла календарь и повесила его на место.

Котенка на обложке звали «Лапочка».

— Ну что, Лапочка, — усмехнулась я. — Кажется, мы остались одни. И знаешь что? Мне это нравится.

Я пошла на кухню. Мне нужно было допить кофе. А потом... потом нужно было придумать, как жить дальше. Потому что угроза про «сдохнешь с голоду» была, пожалуй, единственным правдивым словом, которое Вениамин сказал за это утро.

Но об этом я подумаю через час. А пока я буду наслаждаться тишиной, в которой больше не пахнет его ментоловым лосьоном и его ложью.

Глава 9

Адреналин — коварное топливо. Он дает тебе крылья, заставляет чувствовать себя валькирией, способной сжечь мосты и города одним взглядом, но выгорает он быстро, оставляя после себя лишь пепелище усталости и дрожь в коленях.

Я стояла в прихожей, глядя на закрытую дверь, за которой исчез мой муж. Календарь с котенком висел криво, но я не стала его поправлять. Сейчас меня волновало другое.

Желудок скрутило спазмом. Не от голода — хотя я не ела со вчерашнего обеда, — а от нервного истощения. Руки, которые еще пять минут назад твердо держали ножницы, теперь мелко тряслись. Я посмотрела на свои ладони: сухая кожа, короткие ногти, мозоль на среднем пальце от наперстка. Руки труженицы. Руки, которые только что объявили войну.

Я вернулась на кухню. Мой остывший кофе стоял на столе, подернутый неприятной маслянистой пленкой. Пить его уже не хотелось.

— Так, Валя, — сказала я себе вслух. Голос прозвучал глухо в пустой квартире. — Собирайся. Ты победила в битве, но война только началась. Веня не тот человек, который утрется и забудет.

Мне нужно было действовать. Первым делом — обеспечить себе тылы. Если я отказалась обслуживать мужа, значит, и кормиться с его стола я больше не имею морального права. Да он и не позволит. Угроза про «сдохнешь с голоду» была не пустой фразой.

Я взяла телефон. Экран был темным и холодным.

Нужно заказать продукты. Крупы, макароны, немного курицы. То, что дешево и надолго. У меня была карта — дополнительная, привязанная к общему семейному счету. Вениамин выдал мне её пять лет назад с барского плеча, чтобы я не просила наличку на хозяйственные нужды. «Тратишь — отчитываешься чеками», — таково было условие. И я отчитывалась. За каждый пакет молока, за каждую пачку стирального порошка.

Я разблокировала экран и нажала на иконку банковского приложения.

В правом верхнем углу всплыло уведомление.

Дзынь.

Звук был мелодичным, стандартным, но почему-то от него у меня по спине пробежал холодок.

*«Внимание! Операции по карте 4589 ограничены».

Я моргнула. Может, сбой? Интернет плохой?

Дзынь.

Второе сообщение прилетело следом, словно контрольный выстрел.

*«Лимит по дополнительной карте 4589 изменен. Доступный остаток: 0.00 RUB».

Я тупо смотрела на цифры. Ноль рублей. Ноль копеек.

Еще минуту назад там было около пятидесяти тысяч — деньги на текущие расходы, на коммуналку, на продукты. Это были не его личные деньги, это был наш бюджет, в который, между прочим, я тоже вкладывала, когда у меня были крупные заказы.

Дзынь.

«Доступ к накопительному счету "Семейный" закрыт владельцем счета».

Я почувствовала, как пол уходит из-под ног. Я опустилась на стул, не отрывая взгляда от экрана, на котором в режиме реального времени происходила моя цифровая казнь.

Он не просто заблокировал карту. Он отрезал меня от всего. От денег, которые мы копили на отпуск. От «подушки безопасности», которую мы откладывали на ремонт машины. От средств, которые, как я наивно полагала, были нашими.

Я попыталась войти в историю операций.

«Ошибка доступа. Обратитесь к владельцу счета».

Владельцу.

В этом слове была вся суть моего положения. Я не была партнером. Я не была совладельцем. Я была просто пользователем, которому администратор в любой момент мог отключить доступ к ресурсам.

— Быстро ты, Веня, — прошептала я. — Даже до работы не доехал.

Видимо, он сделал это прямо в такси. Сидел на заднем сиденье в своих нелепых джинсах, тыкал пальцем в экран и с наслаждением нажимал кнопки «Блокировать», «Заккрыть», «Ограничить». Он наказывал меня. Он показывал мне мое место.

Место у парашаи.

Телефон в руке вдруг завибрировал, и я вздрогнула, едва не выронив его. На экране высветилось фото Вениамина. Старое фото, сделанное лет семь назад на даче. Он там улыбался, шурясь от солнца, и держал в руках шампур с шашлыком. Тогда он казался мне самым надежным мужчиной на свете.

Я нажала «Принять».

— Ну что, Валентина Ивановна, — его голос звучал в динамике пугающе спокойно. Истерика прошла. Осталась ледяная, расчетливая злоба. — Получила смски?

На заднем фоне шумела дорога, гудели машины. Он ехал.

— Получила, — ответила я. Я старалась, чтобы голос не дрожал, но связки предательски спазмировались.

— Это демо-версия твоей независимости, — произнес он с садистским удовольствием. — Ты же у нас теперь гордая? Самостоятельная? Ателье у тебя свое? Вот и обеспечивай себя сама.

— Это были общие деньги, Вениамин. Там были и мои гонорары за прошлогодние пальто.

— Были, да сплыли, — хохотнул он. — Ты жила в моей квартире, ела мою еду, пользовалась моим светом и водой. Считаю, что я списал твои копейки в счет арендной платы за прошлые годы. Так что баланс у нас нулевой. Даже нет, ты мне еще должна осталась. За испорченные брюки.

— Ты не имеешь права... — начала я, но он перебил. Жестко. Резко.

— Я имею право на всё! Потому что я — хозяин! А ты заигралась, Валя. Ты забыла, кто тебя кормит. Решила зубы показать? Ну, теперь попробуй покусаться без зубов.

Пауза. Я слышала его дыхание.

— Кстати, о птичках, — продолжил он, и тон его изменился, став вкрадчивым, почти ласковым. От этого тона у меня волосы на затылке зашевелились. — Раз уж мы перешли на рыночные отношения... Я тут вспомнил один нюанс. Ты ведь женщина умная, документы читаешь внимательно?

— О чем ты?

— О квартире, Валя. О нашей прекрасной трешке в центре, в которую ты вложила столько сил. Обои выбирала, плитку... Помнишь, как мы её оформляли пятнадцать лет назад?

Сердце пропустило удар. Я помнила. Конечно, я помнила. Мы продали мою бабушкину однушку на окраине, добавили накопления Вениамина, взяли кредит...

— Помнишь, что я тогда сказал? — он не ждал ответа. — У меня были проблемы на работе, проверки, риски. Я сказал, что безопаснее оформить недвижимость на маму. Чтобы, не дай бог, не отобрали, если бизнес прогорит. И ты, моя верная жена, согласилась. «Конечно, Венечка, как скажешь, Венечка».

Холодный пот проступил у меня на лбу.

— Но это наша квартира, — прошептала я. — Мы платили ипотеку вместе. Моя однушка пошла на первый взнос...

— Юридически, дорогая, это квартира Афанасьевой Тамары Ильиничны. Моей мамы. А ты там просто прописана. Из милости.

Мир вокруг меня качнулся. Стены кухни, выкрашенные в тот самый оттенок «утренний туман», который я колеровала три дня, вдруг стали чужими. Враждебными.

— Я только что звонил маме, — продолжал Вениамин, вбивая гвозди в крышку моего гроба. — Рассказал ей, как ты себя ведешь. Как ты портишь мои вещи, как устроила скандал. Мама очень расстроена. У неё давление подскочило. Она считает, что неблагодарной женщине не место на её жилплощади.

— Ты... ты рассказал матери про брюки? — у меня перехватило дыхание. Ему 52 года, а он побежал жаловаться мамочке?

— Я рассказал ей всё, что посчитал нужным. Короче. Слушай меня внимательно. Я даю тебе двадцать четыре часа. Это я еще добрый, по старой памяти.

— На что? — губы онемели.

— На сборы. Собирай манатки, Валя. Завтра вечером я приду с работы. И не один, а с Софией. Мы решили, что ей будет удобнее жить у меня, ближе к офису. И духу твоего чтобы к этому времени в квартире не было. Ключи оставишь на тумбочке. Замки я сменю послезавтра.

— Вения, ты не можешь... Мне некуда идти!

— А это уже не мои проблемы! — рявкнул он. — Ты же у нас сильная! Ты же ножницами махать умеешь! Вот и вырезай себе новую жизнь. Где хочешь. Хоть на вокзале, хоть под мостом. Время пошло, Афанасьева. Тик-так.

Гудки. Короткие, частые гудки, которые били по барабанным перепонкам как молоточки.

Я сидела, сжимая телефон так, что побелели костяшки.

Бомж.

Я — бомж.

Пять минут назад я была гордой женщиной, которая поставила на место зарвавшегося мужа. Теперь я была бездомной старухой, которую вышвыривают на улицу, как нашкодившего котенка.

Двадцать четыре часа.

Квартира свекрови. Боже, какая я была идиотка. Пятнадцать лет назад я сама подписала эти бумаги. «Так надежнее, Валюша». «Это временно, потом перепишем». Временно растянулось на вечность. Я вкладывала душу в чужие стены. Я полировала чужой паркет. Я вешала шторы на чужие окна.

Я встала. Меня шатало. Нужно было проверить, что у меня осталось. Хоть что-то. Хоть какая-то соломинка.

Я бросилась в спальню. Распахнула шкаф. Там, на верхней полке, под стопкой постельного белья, лежала старая жестяная коробка из-под печенья. Моя «заначка». Мой секретный фонд на «черный день».

Я достала коробку. Руки тряслись так, что крышка не поддавалась. Ноготь сорвался, сломался под корень, но я не почувствовала боли.

Крышка со звоном отлетела в сторону.

Я вытряхнула содержимое на кровать.

Несколько рыжих купюр по пять тысяч. Пачка тысячных. Горсть мелочи.

Я начала считать.

— Пять, десять, пятнадцать... Раз, два, три... Восемнадцать... Девятнадцать пятьсот...

Девятнадцать тысяч пятьсот рублей.

И еще, может быть, тысячи две мелочью.

Это было всё. Всё, что я нажила за двадцать пять лет брака. Цена моей жизни оказалась меньше, чем стоимость тех самых брюк, которые я сегодня уничтожила.

Я смотрела на эти жалкие бумажки. На что их хватит? Снять квартиру? В нашем городе «однушка» стоит минимум двадцать пять плюс залог. Комната? Может быть. В общежитии с тараканами. Еда? Проезд?

А дальше что?

В кармане джинсов пикинул телефон. Я вздрогнула. Снова банк? Нет, уведомление от мобильного оператора: «Баланс близок к нулю. Пополните счет».

Даже связь скоро отрубят.

Я сгребла деньги обратно в коробку. Это не спасение. Это отсрочка приговора на неделю.

А потом я вспомнила про них. Про моих детей.

Я побежала в мастерскую. Влетела туда, задыхаясь от паники.

Они стояли на своих местах. Мои верные, молчаливые подруги.

Швейно-вышивальная машина Pfaff. Моя королева. Я купила её в кредит три года назад, тайком от Вени, и выплачивала с «левых» заказов. Она была тяжелой, килограммов пятнадцать чистого немецкого качества.

Оверлок Juki. Надежный, как танк.

Парогенератор с доской.

Манекены.

Это было не просто оборудование. Это был мой хлеб. Мои руки. Моя единственная надежда не сдохнуть с голоду, как пророчил Вениамин.

Если я уйду... Я не могу их оставить. Он их продаст. Или разобьет. Или София будет вешать на них свои трусы.

Но как я их заберу?

Я подошла к Pfaff, попыталась поднять. Тяжелая. Неподъемная для одной уставшей женщины с больной спиной.

Мне нужна машина. Грузовое такси. Грузчики.

Я быстро прикинула в уме. Газель — минимум две тысячи за два часа. Грузчики — еще столько же. Упаковка... У меня нет коробок! Родных коробок не осталось, Веня заставил выбросить их, чтобы не занимали место на балконе.

Как везти сложную электронику без пенопласта и коробок? Завернуть в одеяло?

А куда везти?

Куда?!

Я села на пол, прямо посреди мастерской, между манекеном «Дэвид» и столом.

У меня нет дома. У меня нет денег. У меня нет родных. Мама умерла пять лет назад. Папа ушел еще раньше. Детей бог не дал — сначала Веня хотел «пожить для себя», потом карьера, потом... потом стало поздно.

Я одна. В вакууме.

Слезы подступили к горлу, горькие, едкие. Хотелось свернуться калачиком и выть. Просто выть, пока не лопнут связки.

«Соберись, тряпка!» — приказала я себе. Голос внутри звучал жалко, неубедительно.

«Ты же Афанасьева!» — сказал бы Веня.

«Нет, — подумала я. — Я Афанасьева. Я Валентина Афанасьева, дочь швеи и инженера. Я умею шить. Я умею пороть. Я умею перекраивать».

Если ткань испорчена, мастер не выбрасывает её. Он ищет способ обойти дефект. Сделать вставку. Изменить фасон.

Какой у меня фасон жизни сейчас? «Бомж-стайл»?

Мне нужен План Б.

Я вытащила телефон. Три процента зарядки. Черт, надо поставить на зарядку. Нет, сначала звонок. Пока есть связь.

Я открыла список контактов.

Пальцы листали имена.

«Ира Маникюр» — нет, просто знакомая.

«Лена Ателье» — бывшая коллега, мы не общались сто лет, она сейчас живет в другом районе с тремя детьми и мужем-алкоголиком. Куда мне к ней?

«Тетя Зина» — мамина сестра, живет в деревне за триста километров. До неё не доедешь, да и не ждет она меня.

Список был коротким. Вениамин методично, год за годом, отсекал мое окружение. «Зачем тебе эта Ленка, она неудачница». «Подруги только завидуют нашему счастью». «Мы есть друг у друга, нам никто не нужен».

Я оказалась в изоляции, которую принимала за уютный кокон.

Палец замер на имени *«Людмила Заказ»*.

Люда. Людмила Петровна.

Мы познакомились лет десять назад. Я шила ей пальто. Она была странной женщиной — шумной, яркой, одинокой. У неё была сложная фигура и сложная судьба. Мы сдружились на примерках. Она часто звала меня в кафе, но Веня был против: «Вульгарная баба, чему она тебя научит?». И я перестала отвечать на звонки.

Но полгода назад мы случайно встретились в супермаркете. Люда тогда сказала: «Валька, ты какая-то потухшая. Если этот твой упырь тебя доест, звони. Мой номер тот же. У меня дача пустует, и сердце большое».

Я тогда посмеялась. Упырь? Мой Веня?

Теперь мне было не до смеха.

Я нажала на вызов.

Гудки пошли. Длинные, тягучие, как ожидание приговора.

Ту-у-у... Ту-у-у...

«Возьми трубку, Люда. Пожалуйста, возьми. Прости меня, что я исчезла. Прости, что была слепой душой. Только не сбрасывай».

Сердце билось в такт гудкам.

Ту-у-у...

А что, если она сменила номер? А что, если она занята? А что, если она пошлет меня к черту?

Ту-у-у...

— Алло? — раздался хриловатый, сонный голос. — Кто это в такую рань?

Я посмотрела на часы. Девять утра. Для Люды, которая работала флористом и любила поспать, это была рань.

— Люда... — выдохнула я. Голос сорвался, превратившись в сип. — Людочка, это Валя. Валя Афанасьева. Портниха.

Пауза. Я слышала, как она зевает.

— Валя? — тон изменился, стал удивленным. — Афанасьева? Которая «жена безупречного Вениамина»?

— Уже нет, — сказала я, и слезы все-таки покатались по щекам. — Уже просто Валя. Люда... Он меня выгнал. Мне дали двадцать четыре часа. Мне некуда идти.

Тишина в трубке показалась мне вечностью. Я зажмурилась, готовясь услышать отказ. «Извини, Валя, у меня свои проблемы...».

— Так, — сказала Люда. Голос стал деловым, жестким. — Сопли вытри. Где ты сейчас?

— Дома. Пока еще дома.

— Он тебя бил?

— Нет. Он... он заблокировал карты. И квартира, оказывается, на свекровь. Завтра он приведет любовницу.

— Классика жанра, — хмыкнула Люда. В её голосе не было жалости, только злость. — Вот же козел. Ладно, слушай меня. Я сейчас на смене, освобожусь в два. У меня есть «Газель» знакомая, мы цветы возим. И дача. Там, правда, условия спартанские, печка дымит и удобства во дворе, но крыша есть и никто не выгонит. Поедешь?

— Поеду, — выдохнула я. — Люда, у меня машинки. Швейные. Тяжелые.

— Заберем твои машинки. И манекены заберем. И нитки. Всё заберем, даже гвозди из стен выдернем, если они твои. Ты собирайся. Пакуй всё. В мешки, в простыни заворачивай. В два ноль-ноль я буду у твоего подъезда. И Валя?

— Да?

— Не реви. Ты теперь не одна. Мы этому упырю еще покажем, где раки зимуют.

Она отключилась.

Я смотрела на телефон, по которому ползла трещина (уронила, когда узнала про квартиру? Не заметила).

Люда приедет. В два часа. У меня есть транспорт. У меня есть крыша над головой. Пусть с дымящей печкой, пусть с туалетом на улице. Это лучше, чем коробка из-под холодильника.

Я встала. Вытерла слезы рукавом.

Времени было мало. Нужно было упаковать двадцать пять лет жизни в мусорные мешки.

Я оглядела мастерскую.

— Ну что, девочки, — сказала я своим машинкам. — Готовьтесь к путешествию. Мы едем на дачу. Будем шить шторы для деревенских окон. Или саваны для моей прошлой жизни. Это уж как получится.

Я пошла искать мешки. Экономическая блокада была прорвана. Партизанский отряд уходил в леса.

Глава 10

Черные полиэтиленовые мешки имеют свойство шуршать особенно зловещей похоронной музыкой, когда ты упаковываешь в них свою жизнь.

Я стояла посреди спальни, держа в руках рулон на сто двадцать литров. Обычно в такие мы с Вениамином собирали опавшую листву на даче. Теперь мне предстояло собрать в них опавшие листья моего брака.

На часах было десять утра. У меня оставалось четыре часа до приезда Людмилы. Четыре часа, чтобы стереть себя из этой квартиры, как пятно с белой скатерти.

Я рывком оторвала пакет от рулона. Пластик податливо растянулся.

Начала я с гардеробной. Это было самое трудное. Здесь, на вешалках, висела история моей трансформации из живой женщины в удобную функцию.

Вот оно — изумрудное платье в пол, которое Веня заставил меня купить для корпоратива пять лет назад. «Оно подчеркивает статус», — говорил он. Я ненавидела это платье. Жесткий корсет впивался в ребра, синтетическая подкладка не давала коже дышать. Я чувствовала себя в нем дорогой вазой.

Я сняла платье с плечиков. Ткань тяжело скользнула в руках. Взять? Зачем? Куда я пойду в нем на даче с удобствами во дворе?

Я вернула платье на место. Пусть висит. Пусть София носит, если влезет в мой сорок восьмой размер. Хотя нет, она же у нас «хрупкий цветок», утонет.

Я брала только то, что было моим. Настоящим.

Джинсы, в которых удобно ползать вокруг манекена. Свитера крупной вязки — теплые, уютные, скрывающие фигуру, но греющие душу. Хлопковые футболки.

Я открыла ящик с бельем.

Кружевные комплекты, которые я покупала, чтобы порадовать мужа (и которые кололись и натирали), остались лежать ровными стопочками. Я сгребла в мешок простые, гладкие бюстгальтеры и трусики из хлопка.

«Сексуальность оставим для музыки, — подумала я зло. — Мне теперь нужна практичность».

Мешок наполнялся быстро. Одежда, обувь (только удобная, никаких шпилек), косметика.

Я добралась до нижней полки, где хранились альбомы.

Сердце кольнуло. Свадебный альбом в бархатной обложке. Мы там такие молодые, глупые. Я в платье, которое сшила сама за две ночи. Веня — худой, с горящими глазами, еще без этого сального налета самодовольства.

Рука потянулась забрать его. Это же память.

Но я отдернула ладонь. Память? О чем? О том, как я двадцать пять лет строила замок на песке? Если я заберу этот альбом, я утащу с собой призрак. Я буду открывать его вечерами, плакать и думать: «Где мы свернули не туда?».

Я не хотела знать. Я хотела выжить.

Я открыла другой альбом — старый, с картонными страницами. Там были фото моих родителей. Мое детство. Школа. Институт. Время, когда я была просто Валею Афанасьевой, талантливой девочкой с иголкой в руках.

Я вытащила этот альбом и положила в сумку. Это — моё. Это фундамент, который он не смог разрушить. А «нас» больше не существовало.

В прихожей росла гора черных мешков. Они выглядели как трупы надежд.

Теперь самое главное. Мастерская.

Я вошла туда, как хирург в операционную перед ампутацией. Здесь нельзя было давать волю эмоциям. Нужна была холодная логика и точность.

— Ну что, мои хорошие, — прошептала я, глядя прохладный корпус швейной машины Pfaff. — Потерпите. Будет трясти.

У меня не было заводских коробок. Вениамин заставил выбросить их три года назад во время генеральной уборки балкона. «Зачем хранить хлам, Валя? Гарантия кончилась».

Хлам. Теперь этот «хлам» был моим единственным спасением.

Я пошла в спальню и, не дрогнув, стянула с кровати дорогое сатиновое белье. Простыня, пододеяльник, наволочки. Потом открыла шкаф и достала еще два комплекта. Пледы. Махровые полотенца.

Я не крапа их. Я использовала их как упаковочный материал.

Вернувшись в мастерскую, я начала пеленать свои машины.

Сначала Pfaff. Я обернула её в пушистое полотенце, потом в простыню, создавая мягкий кокон. Обмотала скотчем. Получился толстый, бесформенный сверток, похожий на спеленутого младенца-переростка.

— Ничего, ничего, — шептала я, затягивая скотч. — Главное, чтобы челночный механизм не пострадал. Главное, чтобы дисплей не треснул.

Следом пошел оверлок Juki. Он был полегче, но капризнее. Я зафиксировала нитепроводы малярным скотчем, подложила под лапку лоскут ткани, чтобы зубья транспортера не царапали металл. Замотала в плед.

Парогенератор. Доска. Коробки с нитками.

Я выгребала всё. Я открывала каждый ящичек органайзера, высыпая содержимое в пакеты. Пуговицы, кнопки, молнии, мелки, лекала из электрокартона.

Я проверяла каждый угол. Я ползала по полу с фонариком, выискивая закатившиеся булавки.

Он не получит ни одной моей иголки. Если у него оторвется пуговица, пусть идет в магазин и покупает швейный набор. Или пусть София клеит её на суперклей. Я не оставлю здесь ни грамма своего ремесла.

Остались манекены.

«Дэвид» и «Мэрилин». Мои безмолвные модели.

Упаковывать их было жутковато. Я завернула их в белые пододеяльники и обмотала скотчем. Теперь они стояли в углу, прислонившись к стене, и выглядели как две мумии, готовые к транспортировке в загробный мир. Или как жертвы маньяка, упакованные для вывоза в лес.

— Простите, ребята, — нервно усмехнулась я. — Вид у вас непрезентабельный, но так безопаснее.

Когда мастерская опустела, я почувствовала странный укол в сердце. Комната стала гулкой, чужой. Просто стены. Просто окно. Душа ушла отсюда вместе с гулом мотора и паром утюга.

Я вынесла последний пакет в коридор.

На часах было 12:30. У меня оставалось полтора часа.

Можно было сесть и посидеть. Отдохнуть. Выпить воды.

Но я не могла сидеть. Энергия разрушения бурлила во мне, требуя выхода.

Я посмотрела на квартиру.

Она была... жилой. Тут валялся чек на тумбочке. Там — след от кружки. На зеркале — пыль.

Вениамин сказал: «Собирай манатки и вали». Он ждал, что я убегу в слезах, оставив бардак, разгром, хаос. Он ждал, что я буду вести себя как жертва.

Но я не жертва. Я — профессионал. А профессионал сдает рабочее место в идеальном состоянии.

Я взяла ведро. Налила воды, плеснула туда «Доместоса» — щедро, не жалея. Запах хлорки ударил в нос, резкий, больничный. Запах стерилизации.

Я надела резиновые перчатки.

Я начала мыть.

Я мыла не для него. Я мыла для себя. Я смывала себя с этих поверхностей.

Я терла полы так, словно хотела стереть верхний слой ламината вместе с памятью о том, как ходила здесь босиком. Я драила зеркала, чтобы они больше никогда не отражали мое заплаканное лицо. Я протирала полки, уничтожая отпечатки своих пальцев.

Я хотела, чтобы когда он войдет сюда с Софией, их встретила не уютная квартира, а холодный, стерильный номер отеля. Безжизненное пространство. Пустота.

Пусть София попробует наполнить эту пустоту собой. Пусть расставит свои флакончики, разбросает свои трусики. Но моего духа здесь не будет. Ни пылинки. Ни волоска.

Я вымыла холодильник. Он сиял белизной и пустотой, как айсберг.

Я вычистила плиту, на которой столько лет варила ему диетические супы. Теперь она блестела черным стеклом, холодная и равнодушная.

К часу тридцати квартира звенела от чистоты. Пахло хлоркой и зимним холодом — я открыла окна, чтобы выветрить затхлость и остатки запаха «Мясного удара».

Я сняла перчатки, бросила их в мусорный пакет.

Все было готово.

Я была готова.

Оставался последний штрих.

Я прошла на кухню. Взяла листок бумаги из блокнота, который висел на холодильнике (список покупок, который я писала еще три дня назад: «молоко, творог, зелень»... как в прошлой жизни). Я перевернула листок чистой стороной.

Взяла черный маркер.

Рука на секунду зависла над бумагой. Что написать? Проклятие? «Будь счастлив»? «Гори в аду»?

Нет. Эмоции — это подарок, а я больше ничего ему не дарю.

Я начала писать печатными, ровными буквами:

«КЛЮЧИ НА ТУМБОЧКЕ.

ИНСТРУКЦИЯ К СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЕ — В ИНТЕРНЕТЕ, МОДЕЛЬ УКАЗАНА НА ЗАДНЕЙ ПАНЕЛИ.

ИНСТРУКЦИЯ К ПОСУДОМОЙКЕ — ТАМ ЖЕ.

ИНСТРУКЦИЯ К ЖИЗНИ — НАЙДИ САМ.

P.S. ГАСТРИТ ЛЕЧИТСЯ ДИЕТОЙ, А НЕ СМЕНОЙ ЖЕНЩИН. НО ТЫ ВЗРОСЛЫЙ МАЛЬЧИК, РАЗБЕРЕШЬСЯ».

Я положила записку в центр абсолютно пустого, чистого стола. Придавила её солонкой. Единственным предметом, который остался на столешнице. Соль. Символично.

В домофон позвонили.

Звук был резким, требовательным. 14:00.

Я вздрогнула, но тут же расправила плечи.

Подожла к трубке.

— Да?

— Валька, это мы! — голос Люды был громким, искаженным динамиком, но таким живым и родным, что у меня защипало в глазах. — Открывай, карета подана! Грузчики в наличии, настроение боевое!

— Открываю.

Я нажала кнопку.

Через минуту дверь распахнулась. В квартиру ворвался вихрь по имени Людмила.

Она была в ярко-желтом пуховике, похожая на огромное, сердитое солнце. От неё пахло морозом, ментоловыми сигаретами и какой-то невероятной энергией. За ней топтался хмурый мужичок в рабочей робе — водитель.

Люда окинула взглядом прихожую. Гору черных мешков. Спеленутые манекены. И сияющий пол.

Она присвистнула.

— Ну ты даешь, мать... — она покачала головой, стягивая шапку. Рыжие кудри рассыпались по плечам. — Ты что, клининг вызывала? Или сама?

— Сама, — ответила я.

— Полы помыла? — Люда посмотрела на меня как на умалишенную. — Валь, ты святая или дура? Надо было селедку под плинтус засунуть! Или яйцо сырое шприцем в диван загнать! Чтобы воняло так, что они бы тут противогазы надели через неделю!

Я слабо улыбнулась.

— Я не хочу опускаться до его уровня, Люда. Я хочу уйти чисто. Чтобы он вошел и понял: здесь никого нет. Пустота страшнее вони.

Люда посмотрела на меня внимательно, потом кивнула.

— Ну, может, ты и права. Аристократка хренова. Ладно, Михалыч! — скомандовала она водителю. — Хватай мумии! В смысле, манекены. И машинки. Осторожно, это немецкая техника, стоит как твоя почка!

Михалыч крикнул и взялся за Pfaff.

— Тяжелая, зараза...

— Не тяжелее женской доли, — отрезала Люда. — Давай, пошел. Валька, хватай пакеты с тряпками. Я возьму оверлок.

Работа закипела. Мы выносили мою жизнь в грузовой лифт. Ходка за ходкой. Соседка с пятого этажа, вредная баба Маша, выглянула в щелку двери, но, увидев Люду, тут же спряталась.

Через двадцать минут квартира опустела.

В прихожей остался только голый пол и тумбочка.

Я стояла на пороге, одетая в пуховик, с сумкой через плечо. В сумке лежал альбом с моими детскими фото и та самая шкатулка с жалкими девятнадцатью тысячами.

Люда уже стояла у лифта, держа кнопку.

— Валь, ну ты идешь?

— Сейчас. Секунду.

Я оглянулась.

Пустой коридор. Пустая кухня вдалеке. Открытая дверь в пустую мастерскую.

Здесь прошли двадцать пять лет.

Я помнила, как мы клеили эти обои. Как я радовалась, когда купили этот шкаф. Как я плакала в подушку на этой кровати, когда узнала, что ЭКО не сработало.

Я оставляла здесь не только вещи. Я оставляла здесь свою молодость, свои иллюзии, свою веру в «долго и счастливо».

Больно ли мне было?

Да. Больно так, словно с меня сдирали кожу.

Но еще я чувствовала сквозняк. Холодный воздух из открытой форточки гулял по квартире, выдувая прошлое. И этот сквозняк приносил странное ощущение. Свободу.

Я достала связку ключей. Брелок в виде домика, который Вень подарил мне на новоселье.

Я положила их на тумбочку. Металл звякнул о дерево.

— Прощай, — сказала я. Не квартире. И не Вене. А той Вале, которая была удобной.

Я шагнула за порог.

Взялась за ручку двери.

Потянула на себя.

Замок щелкнул.

Клац.

Этот звук был точкой. Окончательной и бесповоротной.

— Все? — спросила Люда, когда я подошла к лифту.

— Все, — выдохнула я.

— Ну и слава богу, — Люда обняла меня за плечи одной рукой, крепко, по-медвежьи. —

Поехали, подруга. У меня на даче печка, дрова и бутылка настойки на клюкве. Будем лечить нервы. А твой упырь пусть хоть захлебнется своей свободой.

Лифт поехал вниз.

Я не плакала. Я просто смотрела на цифры этажей, бегущие на табло.

7... 6... 5...

Я падала на дно. Но, как известно, от дна удобнее всего оттолкнуться, чтобы всплыть.

Глава 11 (Веня)

от лица Вени

Ключ мягко вошел в замочную скважину. Я повернул его два раза, чувствуя приятное, тяжелое сопротивление механизма. Щелчок, еще один.

Этот звук был музыкой. Звуком моей полной, безоговорочной победы.

Я толкнул дверь плечом, пропуская вперед Софию. Она впорхнула в прихожую, цокая каблучками по плитке, вся такая воздушная, пахнущая «Chanel» и морозом. Моя награда. Мой трофей.

— Прощу, королева, — я сделал широкий жест рукой. — Добро пожаловать в твое новое царство.

Я ожидал, что нас встретит привычный запах дома — смесь кондиционера для белья, борща (или что там она готовила перед уходом?) и той едва уловимой теплой духоты, которая бывает в обжитых квартирах. Я ожидал увидеть приглушенный свет, возможно, даже аккуратно сложенные на тумбочке тапочки.

Но нас встретил холод.

Ледяной сквозняк ударил в лицо, заставив Софию зябко поежиться и втянуть голову в пушистый воротник шубки.

— Бр-р-р! — скривилась она. — Веня, у тебя тут морозильник? Ты что, окна не закрываешь?

А следом за холодом ударил запах.

Резкий, химический, бьющий в нос запах хлорки и какой-то медицинской стерильности. Так пахнет в операционной перед началом хирургического вмешательства, а не в уютной семейной квартире.

Я нахмурился, шаря рукой по стене в поисках выключателя.

Свет залил прихожую. Она была пуста. Абсолютно, звонко пуста. Исчезла вешалка с моими куртками (стоп, а где мои куртки?), исчез пуфик, на который я любил бросать сумку. Исчез дурацкий коврик с надписью «Welcome».

На тумбочке, сияющей полировкой так, что больно было смотреть, лежала одинокая связка ключей. Брелок в виде домика тускло блестел в свете лампы.

Сбежала.

Все-таки сбежала.

Внутри меня шевельнулось странное чувство. Смесь триумфа — я же говорил, что сломаю её! — и легкой, колючей тревоги. Я был уверен, что застаю её сидящей на чемоданах, заплаканную, умоляющую дать ей еще один шанс. Я готовил речь. Я хотел проявить великодушие, позволив ей пожить на даче пару недель, пока она не найдет угол.

Но она просто испарилась, оставив после себя ключи и этот невыносимый запах «Доместоса».

— Фу, Веня! — София зажала нос наманикюренными пальчиками. — Чем тут воняет? Как в общественном туалете после уборки! Твоя бывшая что, решила напоследок отравить нас химикатами?

— Это запах чистоты, Софушка, — я попытался улыбнуться, закрывая входную дверь и отсекая нас от внешнего мира. — Видимо, она решила сдать пост по всем правилам. Надраила полы.

— Надраила? — София брезгливо посмотрела на идеально чистый пол, в котором отражались её сапоги. — Она что, больная на голову? Кто моет полы перед тем, как его выгоняют? Я бы на её месте тут все яйцами закидала.

Я помог ей снять шубу. Шуба была легкой, мех — нежным. Я повесил её в пустой шкафу-купе. Там было гулко. Мои пальто и куртки сиротливо жались в углу.

— Ну, пойдем, покажу тебе владения, — я обнял Софию за талию, чувствуя тепло её тела через тонкое кашемировое платье. — Теперь здесь всё будет по-нашему.

Мы прошли в гостиную.

Здесь тоже царила стерильность. Ни пылинки. Ни забытой газеты. Телевизор зиял черным провалом экрана. Шторы были раздвинуты, и в окна смотрела черная зимняя ночь.

София прошлась по комнате, цокая каблучками по ламинату. Она смотрела на стены так, словно видела на них плесень.

— М-да... — протянула она, проводя пальцем по спинке дивана. — Веня, без обид, но интерьерчик — «привет из двухтысячных». Эти обои в цветочек... Это что, винил? Какой кошмар.

— Это выбирала Валя, — быстро сказал я, открещиваясь от безвкусицы. — Я не вмешивался. Она любила все такое... мещанское.

— Сразу видно, — фыркнула София. — Пылесборники на окнах надо сжечь. И этот диван... Он же огромный и уродливый. Сюда просится что-то в стиле лофт, кожаное, стильное. И стены надо перекрасить. В серый или белый. Чтобы было воздуха больше.

— Конечно, котенок, — я притянул её к себе. — Сделаем ремонт. Все будет, как ты захочешь. Ты же у меня дизайнер в душе.

— Я дизайнер в жизни, — поправила она, чмокнув меня в щеку. — Ладно, показывай спальню. Надеюсь, там кровать не скрипит? А то я чутко сплю.

Мы пошли в спальню.

Здесь было еще холоднее. Окно было открыто на микропроветривание, и штора легонько колыхалась, как привидение.

Кровать была застелена покрывалом, натянутым так туго, что об него можно было порезаться. Армейская дисциплина.

София с разбегу плюхнулась на матрас, раскинув руки.

— Ой! — вскрикнула она. — Камень! Веня, на чем ты спал? Это же доски, а не матрас!

— Ортопедический, — буркнул я. — Спина, знаешь ли...

— Ну нет, — она сморщила носик. — На таком сексом заниматься — колени сотрешь. Надо менять. И белье... Фу, это что, бязь? Какая дешевка. Я люблю шелк или сатин-люкс.

Она встала и подошла к гардеробной. Распахнула дверцы.

— Ого, — свистнула она. — А тут эхо гуляет. Она что, вообще все вывезла?

Я подошел сзади, заглядывая через её плечо.

Полки, где раньше лежали стопки Валиных свитеров, футболок, джинсов, были девственно пусты. Она не оставила ничего. Даже старых треников для дачи. Даже выцветших полотенец.

Ни плечиков. Ни коробок с обувью.

Это кольнуло. Неприятно так, под ребро.

Обычно женщины, уходя, оставляют «якоря». Забытую косметичку. Любимую книгу. Зимние сапоги, которые «не влезли в чемодан». Они делают это, чтобы иметь повод вернуться через неделю, позвонить в дверь и сказать: «Ой, я только за вещами». А там — слово за слово, слезы, и вот она уже снова на кухне, жарит котлеты.

Валя не оставила якорей. Она обрубил канаты.

Это выглядело как... презрение. словно она брезговала оставить здесь даже свой носовой платок.

— Жадная какая, — прокомментировала София, закрывая шкаф. — Даже вешалки сперла. Ну и ладно. Мне больше места будет. У меня шмоток — вагон, завтра перевезу.

— Перевезешь, — эхом отозвался я. — Конечно.

В животе заурчало. Я вспомнил, что обедал сегодня на бегу, каким-то сэндвичем.

— Софушка, ты голодна? — спросил я, надеясь, что она сейчас предложит заказать что-нибудь изысканное.

— Я? Нет, я на диете, после шести ни крошки, — она погладила свой плоский животик. — А вот кофе я бы выпила. Сделай мне латте? На кокосовом, если есть. Или хотя бы обычный, но с пенкой.

— Латте... — я завис.

В нашей семье за кофемашину отвечала Валя. Я знал только, что это большой хромированный агрегат, который жужжит и выдает вкусный напиток. Я нажимал кнопку «Пуск», когда чашка уже стояла, а вода и зерна были загружены.

— Ну, машинка на кухне, — сказал я, стараясь звучать уверенно. — Кнопка справа. Разберешься? Я пока руки помою.

— Ой, ну ты ленивый! — кокетливо ударила она меня по плечу. — Ладно, так и быть, поухаживаю за своим мужчиной.

Она упорхнула на кухню.

Я пошел в ванную. Здесь тоже пахло хлоркой. Полка, где стояли Валины крема, шампуни и миллион баночек, была пуста. Осталась только моя пена для бритья и одинокая зубная щетка в стакане.

Странное чувство. словно я заселился в номер отеля, из которого только что выехал предыдущий постоялец.

Вдруг с кухни раздался грохот. Потом звон. И визг Софии:

— Ай! Блин! Черт!

Я выскочил из ванной, вытирая руки о штаны.

— Что случилось?!

На кухне царил хаос.

София стояла посреди комнаты, прижимая руки к груди. На полу, на том самом стерильно чистом ламинате, который Валя драила перед уходом, рассыпались кофейные зерна. Сотни, тысячи коричневых зерен. Они были везде — под столом, у холодильника, даже в коридор укатились.

Рядом валялась крышка от контейнера кофемашины.

— Вения! — захныкала София. — Она у тебя бешеная! Я хотела открыть, чтобы насыпать, а оно как посыпалось! Почему у тебя пакет был открыт и лежал на краю?!

Я посмотрел на пол. Это был пакет дорогой арабики, килограммовый. Валя всегда пересыпала зерна в специальную банку, но, видимо, остатки в пакете она забрала, а этот, новый, я купил сам вчера и бросил как попало.

— Софа... — выдохнул я. — Ну как так?

— Что «как так»?! — взвилась она. — У тебя тут все неудобно! Техника какая-то допотопная! Я ноготь сломала, пока эту крышку ковыряла! Смотри!

Она сунула мне под нос палец. На длинном, нарощенном ногте была микроскопическая трещина лака.

— Больно! — капризно сказала она. — И грязно теперь. Фу, ходить по этому... Как по гравии.

Она переступила с ноги на ногу. Зерна захрустели под её шпильками. Звук был мерзкий, скрежещущий.

— Убери, а? — попросила она, делая шаг назад, в коридор. — Я не могу, у меня туфли замшевые, поцарапаю. И настроение испортилось.

Я стоял и смотрел на рассыпанный кофе.

Валя никогда не рассыпала кофе. Ни разу за двадцать пять лет. У неё руки росли из плеч. А если что-то и падало, она убирала это молниеносно, без нытья про ногти.

— Веня! Ты уснул? — поторопила София. — Убери, потом кофе попьем. Хотя нет, я уже не хочу. Аппетит пропал.

Мне пришлось идти за веником.

Я открыл хозяйственный шкаф. Там было пусто. Ни швабры, ни тряпок, ни «Мистера Мускула». Только сиротливый веник и совок, оставленные, видимо, из жалости.

Я взял веник. Чувствовал себя идиотом. Региональный директор, «Человек года», в своем собственном доме, в костюме, ползает раком и выметает кофе из-под гарнитура, пока его любовница стоит в дверях и дует на ноготь.

— Ты там долго? — спросила она. — Может, закажем суши? Я проголодалась.

— Сейчас, — пропыхтел я, залезая веником под холодильник. Спину кольнуло. Радикулит, привет.

Я сгребал зерна в совок. Они рассыпались, убегали. Бесили.

Когда я выпрямился, держа совок с мусором, мой взгляд упал на стол.

Он был пуст. Девственно чист. Ни крошки, ни пятнышка.

Только в самом центре стояла солонка. А под ней белел листок бумаги.

Я замер.

Валя оставила послание.

Сердце екнуло. Я знал! Я знал, что она не уйдет просто так. Наверняка там мольбы. Или угрозы. Или номер телефона, по которому её можно найти, если я «вдруг передумаю».

Я высыпал кофе в мусорное ведро (которое тоже было вымыто до блеска) и подошел к столу.

София подошла сзади, заглядывая через плечо. От неё пахло ванилью, и этот запах начал меня раздражать своей навязчивостью.

— Что там? — спросила она. — Любовное письмо? Ой, как трогательно! Пишет, что не может жить без тебя?

Я взял листок. Почерк Вали — ровный, печатный, инженерный.

«КЛЮЧИ НА ТУМБОЧКЕ.

ИНСТРУКЦИЯ К СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЕ — В ИНТЕРНЕТЕ, МОДЕЛЬ УКАЗАНА НА ЗАДНЕЙ ПАНЕЛИ.

ИНСТРУКЦИЯ К ПОСУДОМОЙКЕ — ТАМ ЖЕ.

ИНСТРУКЦИЯ К ЖИЗНИ — НАЙДИ САМ.

P.S. ГАСТРИТ ЛЕЧИТСЯ ДИЕТОЙ, А НЕ СМЕНОЙ ЖЕНЩИН. НО ТЫ ВЗРОСЛЫЙ МАЛЬЧИК, РАЗБЕРЕШЬСЯ».

Буквы прыгали перед глазами.

Стерва. Какая же она стерва.

Она не просила прощения. Она не проклинала. Она издевалась. Холодно, расчетливо, с высоты своего морального превосходства. «Инструкция к жизни — найди сам».

Меня обдало жаром. Я скомкал листок в кулаке, превращая его в плотный бумажный шарик.

— Ну что там? — не унималась София. — Веня, дай почитать! Я хочу поржать!

— Ничего интересного, — буркнул я, пряча бумажный ком в карман брюк. — Список покупок. Она забыла купить туалетную бумагу. И просит переслать ей почту, если придет. Ерунда.

— Скуотища, — разочарованно протянула София. — Я думала, там драма. «Прощай, жестокий мир» и все такое. А она даже уйти красиво не смогла. Сухарь.

Она подошла к холодильнику, распахнула его.

— О, пусто! — констатировала она. — Веня, у нас мышь повесилась. Заказывай доставку. Я хочу «Филадельфию» и вино. У тебя есть штопор?

Я посмотрел на пустую кухню. На веник в углу. На Софию, которая уже сидела в телефоне, выбирая роллы.

— Есть, — сказал я устало. — Штопор есть. Надеюсь, она его не забрала.

Вечер прошел скомканно. Мы ели суши пластиковыми палочками прямо из коробок, потому что София не нашла тарелок (Валя убрала парадный сервиз на верхние полки, куда без стремянки не добраться, а повседневные тарелки были где-то в недрах посудомойки, которую я не знал, как открыть).

Вино мы пили из кружек. Бокалы тоже исчезли.

София щебетала про новую коллекцию сумок, про то, как мы переделаем спальню, про то, что ей нужно купить новый фен, потому что здешние розетки расположены неудобно. Я кивал, пил вино и чувствовал, как нарастает глухое раздражение.

Эта квартира, мой дом, вдруг стала неудобной. Чужой. Она отторгала нас, как организм отторгает инородное тело.

Ночью я долго не мог уснуть. София спала рядом, раскинувшись на полкровати. Она, как и я, любила простор. В итоге мне пришлось жаться к краю. Она тихонько посапывала, и этот звук меня бесил. Валя дышала неслышно.

Я лежал и смотрел в темноту.

«Ничего, — думал я. — Это просто с непривычки. Завтра будет лучше. Завтра начнется новая жизнь. Без нытья, без упреков. Свободная жизнь».

Утро наступило внезапно и жестко.

Будильник прозвенел в 6:30.

Я проснулся с тяжелой головой. Вино из кружки оказалось так себе идеей.

София даже не пошевелилась. Она натянула одеяло на голову и пробурчала:

— Выключи эту гадость. Я сплю до десяти.

Я встал. В комнате было зябко — отопление почему-то работало еле-еле (Валя умела регулировать краны на батареях, я — нет).

Поплелся в ванную. Умылся. Взглянул на себя в зеркало. Мешки под глазами никуда не делись, но хоть отек спал.

Теперь главное — одежда. Сегодня совещание. Мне нужна свежая рубашка. Идеальная, хрустящая, пахнущая чистотой.

Я пошел в гардеробную.

Моя половина шкафа была забита вещами. Валя ничего моего не тронула.

Я пробежался пальцами по вешалкам.

Так. Голубая. Я носил её вчера. Воротник несвежий, на локтях складки. В стирку.

Белая... Белая с пятном от тональника. Она все еще валялась в корзине в ванной. Валя не постирала её. Разумеется.

Розовая. Висит давно. Я достал её. Рукав помят. Пуговица на манжете держится на честном слове.

Полосатая. Старая коллекция. Воротник пожелтел от времени.

Я перебирал вешалку за вешалкой.

И с ужасом понимал: у меня нет ни одной готовой рубашки.

Они были. Их было много. Но все они были в состоянии «почти». Почти чистая, но с запахом. Почти глаженная, но с заломом. С оторванной пуговицей. С пятнышком.

Раньше я просто протягивал руку утром, и там висела идеальная вещь. Я думал, они так и живут в шкафу — всегда готовые, самоочищающиеся.

Оказывается, нет.

Оказывается, между состоянием «бросил в корзину» и «надел свежую» был огромный, невидимый труд. Стирка. Сушка. Глажка. Пришивание пуговиц.

Я стоял в трусах перед полным шкафом, и мне нечего было надеть.

— Черт... — прошептал я.

Я посмотрел на спящую Софию. Может, разбудить? Попросить погладить?

Я представил, что она скажет. «Веня, я сплю! Я не умею гладить мужские рубашки, там воротник сложный! И у меня маникюр!».

Нет. Бесполезно.

Пришлось идти на компромисс с совестью.

Я достал розовую рубашку. Она была самой приличной из неприличных. Понюхал подмышки. Вроде терпимо. Если залить дезодорантом и парфюмом, никто не заметит. Пуговица? Ну, постараюсь не жестиковать этой рукой. Заломы на спине? Под пиджаком не видно.

Я одевался, чувствуя себя мошенником. Я надевал на себя лоск, который был второй свежести.

«Ничего, — успокаивал я себя, застегивая ремень на джинсах (брюки я так и не купил, не успел). — Это временно. Неделя. Максимум две».

У Вали нет денег. У неё нет жилья. Гордость — это хорошо, но кушать хочется всегда.

Она помыкается по подругам, поймет, что никому не нужна со своими проблемами. Посчитает копейки в кошельке.

И приползет.

Она вернется. Тихонько откроет дверь своим ключом (надо будет сказать, что я не менял замки, а просто пугал). Войдет, увидит этот бардак, увидит меня в мятой рубашке. Её сердце дрогнет. Инстинкт «хозяюшки» победит.

Она выгонит Софию (я позволю ей это сделать, так даже проще, не придется самому объясняться с девочкой). Она встанет к плите. Она возьмет утюг.

И всё будет как раньше. Только я буду строже. Я буду контролировать каждый её шаг, чтобы знала, кто здесь благодетель.

Я посмотрел на себя в зеркало. Мятый воротничок, несвежий цвет лица, джинсы, впи- вающиеся в живот.

— Ты победитель, Вениамин, — сказал я своему отражению. — Ты просто переживаешь переходный период. Реструктуризация бизнеса. Бывает.

Я обильно побрызгался одеколоном, чтобы перебить запах вчерашнего вина и сомнений.

Взял барсетку. Вышел в коридор.

Ключи Вали все так же лежали на тумбочке.

Я смахнул их в ящик. С глаз долой.

— До скорого, дорогая, — бросил я в пустоту квартиры. — Жду твоего звонка с извинениями. Не затягивай. У меня рубашки кончаются.

Глава 12

Дом Людмилы пах старой хвоей, остывшей золой и тем особенным, горьковатым духом заброшенности, который появляется у дач, когда хозяева наезжают в них лишь по выходным.

Я сидела на краю старого железного дивана с панцирной сеткой, не снимая пуховика. В помещении было едва ли теплее, чем на улице. Уехав два часа назад, Люда оставила мне охапку дров, запас технической воды в канистрах и ворох напутствий, которые пролетели мимо моего сознания.

— Валька, печку сильно не кочегарь, она с норовом, — говорила она, натягивая перчатки. — И не смей киснуть. Ты здесь хозяйка. Упырь твой до сюда не дотянется, у него навигатор на такие координаты не настроен.

Теперь, когда шум её старой «Газели» окончательно растаял в морозных сумерках, на меня обрушилась тишина. Она не была уютной. Она была гулкой, как пустой колодец, в который я только что упала.

Я посмотрела на свои руки. Они были грязными. Под ногтями — пыль от переезда, на ладонях — серые разводы. Мои «дети», мои машинки, стояли в углу веранды, замотанные в простыни и пледы, похожие на раненых солдат в полевом госпитале.

В углу под потолком отклеился кусок старых бумажных обоев. Он медленно шевелился от сквозняка, издавая противный шелест: ш-ш-ш... ш-ш-ш... Словно дом нашептывал мне: «Ну и куда ты пришла, Афанасьева? Что дальше?»

Я закрыла глаза, и слезы, которые я так старательно сдерживала при Люде, наконец прорвались. Они были горячими и едкими. Я плакала не о Вене. Я плакала о той Вале, которая двадцать пять лет выстраивала карточный домик, свято веря, что это крепость. Я плакала о своих исколотых пальцах, о бессонных ночах над его смокингами, о том, что в пятьдесят лет моим единственным имуществом стали две швейные головки и коробка с нитками.

— Господи, какая же я жалкая... — всхлипнула я, обхватив плечи руками.

Холод пробирался под пуховик. Нужно было встать, затопить печь, разобрать вещи, но я не могла пошевелиться. Казалось, если я сделаю хоть шаг, я просто рассыплюсь на куски, как пережатая ткань.

Я встала и подошла к зеркалу, висевшему в простенке между окнами. Амальгама по краям облупилась, покрылась черными пятнами «старости». В тусклом свете одинокой лампочки на меня смотрело чудовище.

Размазанная тушь превратила глаза в две грязные впадины. Волосы, которые я так тщательно уложила утром, висели сосульками. Но хуже всего было платье.

Мое «домашнее» платье. Серый трикотажный кокон, который я сшила себе три года назад. Веня называл его «уютным мешком». «Валя, ты в нем такая домашняя, такая... неопасная». Он любил это платье. Оно делало меня невидимой. Оно превращало женщину в мягкую подкладку для его жизни.

Сейчас, в этом зеркале, я видела ту самую «моль в обмороке». Существо без цвета, без возраста, без будущего. Женщину, которую можно выставить за дверь с мешком тряпок, и мир этого даже не заметит.

— Нет... — прошептала я, и мой голос сорвался на хрип. — Хватит.

Взгляд упал на один из моих узлов, который развязался при переноске. Из-под грубого пледа выглядывал край *изумрудного шелка*. Того самого отреза, который я берегла для своей несбывшейся серебряной свадьбы.

В этом сером, умирающем доме шелк казался чем-то инопланетным. Он сиял. Он горел холодным, ядовитым зеленым огнем, словно бросал мне вызов.

«Либо ты сгниешь здесь в своем сером мешке, — казалось, говорил он, — либо ты вспомнишь, чьи это руки».

Я сделала глубокий вдох. Воздух был морозным, он обжег легкие, прочищая мозги лучше любого нашатыря.

Я подошла к узлу. Рывком сорвала плед. Достала Pfaff. Она была холодной, тяжелой, родной. Поставила её на колченогий обеденный стол. Пальцы сами нашли шнур, воткнули в розетку. Лампочка над иглой вспыхнула, как маяк.

— Поработаем, девочка, — сказала я, и в моем голосе впервые за этот бесконечный день появилась сталь.

Я не стала искать чистую одежду. Я сделала то, что должен делать мастер, когда ткань безнадежно испорчена. Я начала пороть.

Я схватила ножницы. Резким, злым движением я начала распарывать свое серое платье прямо на себе. По швам. Вжик-вжик. Нитки трескали, освобождая мое тело от этого трикотажного плена. Боковые швы, рукава, горловина.

Через минуту я стояла перед мутным зеркалом в одном белье, а у моих ног лежали серые лохмотья того, что Вениамин называл моей «уютностью».

Я взяла изумрудный шелк. Он был тяжелым, текучим, как ртуть.

Я не стала рисовать мелом. У меня не было времени на лекала. Я работала методом макетирования — так, как учили старые мастера в институте, так, как шьют высокую моду. Наколка прямо на теле.

Я накинула шелк на плечо. Приколола булавкой к ляжке бюстгалтера. Холодная ткань обожгла кожу, заставив меня выпрямиться.

Мои руки двигались сами собой. Я закладывала складки, формируя драпировку на груди. Перекидывала полотно через спину. Шелк ложился идеально — по косой, обнимая мои бедра, подчеркивая талию, о существовании которой я сама почти забыла под слоями «уютного» трикотажа.

Я скалывала, резала, снова скалывала. Пальцы ожили. Боль в спине исчезла, уступив место тому самому творческому трансу, когда время перестает существовать.

Я села за машинку.

Стрекот Pfaff в ночной тишине дачного поселка звучал как автоматная очередь. Я строčila, не обращая внимания на то, что свет моргает, а от холода изо рта идет пар.

Я перешивала не платье. Я перешивала себя.

Каждая строчка — это был ответ Вениамину.

Стежок — «Я не ноль».

Стежок — «Я не мебель».

Стежок — «Посмотри, кого ты потерял, ничтожество».

Я закончила через два часа.

В комнате по-прежнему было холодно, но мне было жарко. Я надела то, что получилось.

Это был дерзкий, почти наглый наряд. Платье на одно плечо, с глубоким разрезом, открывающим ногу выше колена. Изумрудный цвет сделал мою бледную кожу фарфоровой, а серые глаза — ярко-зелеными, как у кошки, вышедшей на охоту. Драпировка на талии создавала силуэт «песочные часы», скрывая всё лишнее и выставляя напоказ всё лучшее.

Это было платье женщины, которая идет не на кухню варить борщ, а на прием, чтобы разбивать сердца.

Я подошла к зеркалу.

Амальгама все еще была в пятнах, но женщина в отражении больше не была молю. Она была Мастером.

Я распустила волосы. Рыжина, которую я годами пыталась пригладить и спрятать, теперь рассыпалась по плечам диким облаком. Я стерла остатки туши, оставив глаза чистыми.

— Ну что, Вениамин Петрович, — усмехнулась я своему отражению. — Инструкция к жизни найдена.

Я взяла свой старый телефон. Тот самый, со старой сим-картой, который Веня заставил меня сменить на «престижный» айфон, а этот я спрятала в коробку с лоскутами.

Я включила его. Экран мигнул. Появилась заставка десятилетней давности — я в горах, счастливая и свободная.

Я зашла в соцсеть. Моя страница «Валентина Фанасьева. Индивидуальный пошив» не обновлялась восемь лет. Последний пост был о том, как я сшила детское одеяльце для подруги.

Я встала под единственную лампочку. Тени легли на лицо резко, подчеркивая скулы и блеск в глазах. Я подняла телефон.

Щелк.

Селфи получилось неидеальным. Зерно, плохой свет, облупившиеся обои на заднем плане. Но платье... Платье сияло, как драгоценный камень в навозной куче.

Я нажала «Опубликовать».

Подпись родилась сама собой:

«Разрезала прошлое. Шью будущее. Иногда, чтобы увидеть себя настоящую, нужно потерять всё остальное. #новаяжизнь #дизайнер #мебель #свобода»

Я нажала кнопку и отложила телефон на стол, рядом с машинкой.

Внутри было пусто, но это была хорошая пустота. Как чистый лист бумаги перед первым наброском.

Я подошла к печке. Теперь можно было и затопить.

Я возилась с дровами, когда телефон на столе коротко вибрировал.

Бззз...

Я замерла. Люда? Или Веня решил напоследок написать гадость?

Я вытерла руки о ветошь и взяла мобильник.

Это было уведомление из соцсети. Комментарий под моим фото, опубликованным меньше минуты назад.

Я открыла его, шурясь от яркости экрана.

Пользователь с аватаром, на котором было изображено лаконичное «L.A.» на фоне дорого серого сукна, написал:

«Интересное решение горловины. Изумительная работа с косым кроем — шелк такой плотности редко кому покоряется без заломов. У вас редкое чувство архитектоники ткани, мадам. Вы берете частные заказы? Есть задача для настоящего профи, которую не потянули три ведущих ателье города».

Я перечитала комментарий три раза.

Мои пальцы, еще полчаса назад дрожавшие от жалости к себе, теперь сжались на корпусе телефона.

«Редкое чувство архитектоники».

Этот человек не просто увидел красивую картинку. Он увидел работу. Он увидел Мастера.

Я посмотрела на свои исколотые пальцы.

Веня сказал, что я — ноль без него.

Но нули стоят в начале больших чисел.

Я начала набирать ответ, и звук клавиш в тишине старой дачи казался мне самым прекрасным звуком на свете.

«Здравствуйте. Я принимаю заказы любой сложности. Где мы можем обсудить детали?»

Я еще не знала, что за буквами «L.A.» стоит человек, который изменит мою жизнь. Я знала только одно: первая нитка моей новой судьбы уже заправлена в иглу. И на этот раз я не допущу ни одного кривого стежка.

Глава 13

Я открыла глаза и увидела облачко пара, вырвавшееся из моего рта.

Первые секунды сознание отказывалось принимать реальность. Казалось, что я все еще дома, в нашей с Вениамином спальне, под пуховым одеялом, а холод — это просто дурной сон, следствие открытой форточки. Рука по привычке потянулась вправо, чтобы нащупать теплое плечо мужа.

Пальцы уткнулись в колючую спинку старого дивана.

Реальность обрушилась на меня, как ведро ледяной воды. Я не дома. У меня нет дома. Я на даче у Люды, сплю в пуховике и шерстяных носках, а печка, которую я с таким трудом растопила вчера вечером, давно остыла, превратившись в грудку холодного кирпича.

Я села, кутаясь в одеяло поверх куртки. Тело затекло. Суставы ныли, напоминая, что мне уже не двадцать и ночевки в спартанских условиях — это испытание, а не романтика.

Взгляд упал на гвоздь, вбитый в деревянную стену напротив.

Там, сияя в сером утреннем сумраке, висело изумрудное платье. Мой вчерашний ночной бунт. Мой шедевр, созданный из отчаяния и старого шелка. В холодном свете утра оно казалось инородным предметом, артефактом из другой цивилизации, случайно попавшим в хижину отшельника.

Оно было прекрасным. И абсолютно бесполезным здесь, где температура стремилась к нулю, а из удобств были только ведро с водой и электрическая плитка.

— Доброе утро, Валя, — прохрипела я в пустоту. Голос сорвался. Горло першило.

Нужно было встать. Нужно было двигаться, чтобы кровь начала бегать по жилам.

Я спустила ноги на пол. Дощатый настил был ледяным даже через носки. Я быстро сунула ноги в угги, которые предусмотрительно оставила у дивана.

Первым делом — тепло. Я подошла к электрической плитке, которую Люда привезла вместе со мной. Спираль, покрытая нагаром, выглядела ненадежно, но это была моя единственная надежда на горячий чай. Старый эмалированный чайник, закопченный еще с советских времен, отправился на конфорку.

Пока вода закипала, я подошла к столу, где лежал мой телефон.

Экран был черным. Я нажала кнопку. Батарея — 15%. Надо экономить. Зарядку я взяла, но розетка тут была одна, и сейчас она была занята плиткой.

На иконке соцсети горел красный кружок уведомления.

Сердце екнуло. Вчера, в порыве эйфории, я ответила незнакомцу с ником «L.A.». Я написала: «Я принимаю заказы любой сложности». Смело. Нагло. Особенно для женщины, которая последние десять лет подшивала брюки мужу и шила шторы для кухни.

Я открыла мессенджер.

Сообщение пришло еще ночью, в три часа.

«L.A.: Доброй ночи. Рад, что вы ответили. Мне не нужны новые костюмы. У меня специфическая задача. Реставрация. Вещь музейного уровня, но пострадавшая от времени и неправильного хранения. Фото прилагаю. Оцените масштаб бедствия. Сможете взяться?»

Ниже были прикреплены три фотографии.

Я нажала на первую. Фото загружалось медленно — мобильный интернет здесь ловил через пень-колоду.

Наконец, картинка прояснилась.

Это был мужской жилет. Конец девятнадцатого века, судя по крою и лацканам. Темный, густой бархат цвета «пьяная вишня». Золотая вышивка — сложный растительный орнамент, перевитый сутажем.

На первый взгляд — красиво. Но я приблизила фото.

Ворс на бархате местами был вытерт до проплешин. На правом боку зияла дыра — не ровный порез, а именно разрыв ветхой ткани, края которой осыпались трухой. Золотые нити вышивки в нескольких местах лопнули и висели жалкими петлями. Подкладка, судя по торчащим лоскутам, истлела полностью.

Я открыла второе фото. Макросъемка разрыва.

Ткань была «уставшей». Она могла рассыпаться прямо в руках от одного неловкого движения иглы. Дублировать такое — это адский труд. Нужно подбирать основу, проклеивать (но утюг может сжечь старый ворс!), восстанавливать рисунок вышивки вручную, стежок за стежком попадая в старые проколы.

Мои руки, державшие телефон, задрожали.

Это не просто «сложный заказ». Это ювелирная работа. Реставраторы в музеях тратят на такое месяцы. А я? Я сижу на даче с дымящей печкой, у меня из оборудования — бытовой Pfaff и старый утюг.

Синдром самозванца, мой верный спутник, тут же поднял голову и начал нашептывать ядовитым голосом Вениамина:

«Куда ты лезешь, Валя? Ты испортишь вещь. Она стоит состояние. Ты будешь расплачиваться за нее до конца жизни. Ты просто домохозяйка, которая возомнила себя кутюрье. Твой уровень — пришивать пуговицы и укорачивать джинсы. Откажись. Скажи, что занята. Не позорься».

Я отложила телефон, словно он был горячим.

Чайник на плитке зашумел, начиная закипать.

Я насыпала заварку прямо в кружку — заварочного чайника не было. Залила кипятком. Пар ударил в лицо, но он не принес облегчения.

Нужно было поесть.

Я подошла к пакету с продуктами, который оставила Люда.

Полпачки гречки. Банка тушенки (которую я не могла открыть, потому что не было консервного ножа, а обычным ножом я побоялась порезаться). Немного сахара. Пара яблок.

Масла не было. Хлеба тоже — вчера в суматохе забыли купить, а Люда привезла то, что нашла у себя в шкафу.

Я насыпала гречку в кастрюлю. Залила водой. Поставила на плитку, сняв чайник.

Пока варилась каша, я вышла на веранду.

Здесь было еще холоднее, чем в комнате. Окна были затянуты морозными узорами. В углу стояли мои «мумии» — манекены в простынях. Машинки стояли на шатком столе, накрытые пленкой.

Я подошла к коробке с нитками.

Есть ли у меня шелк нужного оттенка? Я порылась в мотках. Бордовый... слишком красный. Вишневый... слишком яркий. Нужно искать. Возможно, придется красить нитки вручную чаем или корой дуба, чтобы попасть в цвет старины.

Я посмотрела на свои руки. Кожа на костяшках покраснела и шелушилась от холода и воды. Вчера я драила квартиру «Доместосом» в перчатках, но потом, распарывая платье и работая с шелком, видимо, пересушила кожу.

Смогут ли эти грубые, замерзшие пальцы работать с ветхим бархатом? Не порвут ли они историю?

Я вернулась в комнату. Каша закипела.

Я наложила себе в тарелку пустой гречки. Ни масла, ни молока. Посолила.

Первая ложка встала поперек горла. Сухая, безвкусная крупа. Я жевала её механически, глядя в окно на серый, заснеженный сад. Ветки яблонь, черные и корявые, царапали небо.

В кармане лежала моя «заначка». Девятнадцать с половиной тысяч рублей.

Я могла бы пойти в магазин в поселке. Купить масла. Купить курицу. Купить нормального чая.

Но страх сковал меня. Эти деньги — мой единственный щит. Мой НЗ на аренду жилья, когда меня попросят с этой дачи (а это случится, Люда не может держать меня вечно, да и жить здесь зимой невозможно). Если я потрачу хоть сотню, я начну проедать свое будущее.

Поэтому я давилась сухой гречкой.

Желудок сжался, принимая скудную пищу, но мозг работал лихорадочно.

У меня было два пути.

Путь первый: отказаться. Признать, что я «не тяну». Спрятаться в кокон, проедать заначку, искать работу в ателье по ремонту одежды — «подшить, ушить, молнию поменять». Это безопасно. Это знакомо. Это то, чего от меня ждал Веня — стать серой мышью, обслуживающим персоналом.

Путь второй: согласиться. Рискнуть всем. Взять в руки вещь, которая, возможно, стоит дороже, чем вся моя жизнь сейчас.

Я вспомнила Веню. Его лицо, когда он увидел шорты. Его слова: «Ты ноль без меня».

Если я сейчас откажусь, он будет прав. Я буду нулем. Я буду бывшей женой чиновника Афанасьева, которая не справилась.

Я отодвинула недоеденную кашу. Вкус нищеты был горьким, но он удивительно прочищал сознание. Голод — лучший мотиватор.

Я взяла телефон. Руки все еще дрожали, но теперь это была не дрожь страха, а дрожь азарта.

Я открыла фото жилета еще раз.

Дыра на боку. Я знаю, как это сделать. Метод вживления. Нужна тончайшая клеевая паутинка и донорская ткань. Я могу взять кусочек бархата с подборта, где не видно, распустить его на ворс и буквально «вклеить» ворсинки в разрыв. Это долго. Это кропотливо. Но это возможно.

Вышивка. Золотая канитель. У меня остались запасы старых металлизированных ниток от бабушки. Они как раз потускнели от времени, будут идеально смотреться.

Я могу это сделать. Я — Валентина Афанасьева. Я умею шить. Это единственное, что у меня никто не может отобрать.

Я начала печатать ответ.

«Здравствуйте. Я внимательно изучила фото. Повреждения серьезные: утрата ворса, разрыв основы, деформация вышивки. Это не просто ремонт, это музейная реставрация. Работа потребует дублирования методом "сэндвича" и ручного восстановления золотого шитья. Я готова взяться. Но мне нужно осмотреть вещь вживую, чтобы оценить состояние изнанки».

Я перечитала. Звучало профессионально. Никакого заискивания. Никакой паники.

Нажала «Отправить».

Ответ пришел через минуту, словно «L.A.» сидел с телефоном в руках и ждал.

«L.A.: Профессиональный подход. Мне нравится, что вы заметили проблему с основой. Когда вам удобно встретиться для передачи вещи? Я ценю время. Завтра, 11:00?»

Завтра. Одиннадцать утра.

Я посмотрела на себя. Грязные волосы, засаленная куртка, мешки под глазами.

— Господи, — прошептала я. — Я выгляжу как пугало.

«Где?» — напечатала я.

«L.A.: Кафе "Моне" на проспекте Мира. Вас устроит? Аванс и сроки обсудим на месте. Кофе за мой счет».

Кафе «Моне».

Я знала это место. Самое дорогое, самое пафосное заведение в городе. Там чашка эспresso стоила как килограмм той гречки, которую я только что ела. Там подавали круассаны с трюфельным маслом и сидели жены чиновников, обсуждая свои поездки в Дубай.

Я, в своем старом пуховике (который я носила на рынок), в стоптанных угах, должна прийти в «Моне»?

Щеки обожгло стыдом. Я представила, как захожу в золоченые двери, как на меня смотрит хостес с идеально уложенными волосами. Как посетители морщат носы, уловив запах дыма от моей одежды (дача пропитала меня насквозь запахом печки).

Хотелось написать: «Давайте встретимся в метро». Или «Пришлите курьера».

Но я понимала: заказчик такого уровня не встречается в метро. Если я хочу получить этот заказ и этот гонорар, я должна играть по его правилам. Я должна соответствовать. Хотя бы попытаться.

Я сделала глубокий вдох.

«Договорились. Завтра, 11:00, "Моне". Буду».

Отправила. Пути назад не было.

Я отложила телефон и посмотрела на свои руки. Грязные. Волосы — жирные.

Воды в доме не было, только в канистрах. Горячей воды — тем более.

— Ну что, Валя, — сказала я себе. — Спа-процедуры по-дачному.

Я поставила на плитку самую большую кастрюлю, какую нашла. Вылила туда остатки воды из чайника и долила из канистры.

Пока вода грелась, я пошла к своим мешкам.

Что надеть?

Изумрудное платье? Слишком нарядно, слишком вечернее, да и холодно в нем будет. Джинсы и свитер? Слишком просто, по-домашнему.

Я начала рыться в пакетах.

Нашла черные брюки — те самые, широкие, в которых уходила от Вени. Они выглядели стильно и строго. К ним — белая рубашка. Классика. Но она помялась в мешке.

— Утюг... — вспомнила я.

Утюг был, но гладильной доски я не видела. Придется гладить на столе, подстелив одеяло.

Вода в кастрюле начала шуметь.

Я нашла старый пластиковый таз в углу за печкой. Ополоснула его кипятком.

Мытье головы в тазу, когда в комнате +15 градусов — это особое удовольствие. Я наклонилась над тазом, поливая себя из ковшика. Вода была горячей, но воздух охлаждал мокрую кожу. Шампунь плохо мылился в жесткой воде.

Я терла голову, чувствуя себя жалкой.

Веня сейчас, наверное, сидит в своем теплом офисе, пьет кофе из кофемашины. Вечером он придет в чистую, теплую квартиру, где София будет ходить в шелковом халатике.

А я стою раком над тазом, в старом свитере, и смываю шампунь, экономя каждую каплю воды.

Слезы снова подступили к глазам, смешиваясь с мыльной пеной.

— Не ревить! — приказала я себе. — Ты не бомж. Ты — реставратор. Ты — мастер. Это временно. Это просто... экспедиция. Творческая командировка.

Я завернула мокрые волосы в полотенце. Зубы стучали от холода. Я быстро растерлась, натянула сухую футболку и свитер.

Теперь маникюр.

Я достала пилочку. Мои ногти были в ужасном состоянии — сломанные, неровные. Я подпилила их «под ноль». Чисто, аккуратно. Убрала заусенцы. Намазала руки кремом (слава богу, захватила тюбик жирного крема).

Завтра эти руки будут держать бархат девятнадцатого века. Они должны выглядеть если не холеными, то хотя бы ухоженными рабочими инструментами.

Я достала рубашку. Расстелила на столе байковое одеяло. Включила уют.

Запах горячего хлопка и пара немного успокоил нервы. Я выглаживала воротничок с маниакальной тщательностью. Ни одной складочки. Ни одного залома.

Я готовилась не к встрече. Я готовилась к битве. Битве за свое право называться профессионалом, а не «бывшей женой».

К вечеру я была вымотана так, словно разгрузила вагон угля.

Я легла на диван, накрывшись всем, что нашла: одеялом, пледом, пуховиком. Печка снова начинала остывать, но вставать и подкидывать дрова сил не было.

Я закрыла глаза.

Завтра в 11:00. Кафе «Моне».

Я представила себе этого «L.A.». Кто он? Старый коллекционер? Антиквар? Или, может быть, капризный богач, который хочет починить прадедушкин жилет ради забавы?

Мне было все равно, кто он. Главное — он был моим шансом. Моей соломинкой.

— Я смогу, — прошептала я в темноту. — Я справлюсь. Я не ноль.

За окном выл ветер, царапая ветками стены дома. Мне было страшно. Мне было голодно (гречка давно провалилась в никуда). Но где-то глубоко внутри, под слоями страха и холода, тлел крошечный уголек надежды. И он грел меня лучше, чем остывающая печь.

Глава 14 (Веня)

от лица Вени

Второй день моей «новой свободной жизни» подходил к концу, и, честно говоря, он был похож на затянувшийся визит к проктологу. Неприятно, унинительно и хотелось, чтобы это поскорее закончилось.

Я возвращался домой не на такси, а на корпоративном автомобиле с водителем, но даже мягкая подвеска «Камри» не спасала от ощущения, что меня пропустили через мясорубку. Весь день я провел в той самой розовой рубашке, которую выудил вчера из недр шкафа.

Она была несвежей.

Нет, откровенно потом от меня не разило — спасибо дорогому дезодоранту, которым я облился с ног до головы, — но ощущение «второй свежести» преследовало меня каждую секунду. Воротничок, потерявший жесткость, предательски тер шею. Манжеты казались мне грязными, хотя, возможно, это была игра воображения.

На совещании я старался не поднимать рук и лишний раз не шевелиться. Мне казалось, что все смотрят на меня и думают: «Афанасьев сдал. Афанасьев носит одно и то же. У Афанасьева проблемы?».

Это было невыносимо. Я, человек, привыкший к хрусту накрахмаленного хлопка, чувствовал себя бродягой в чужих обносках.

Поднимаясь в лифте на свой этаж, я мечтал только об одном: сорвать с себя эту тряпку, встать под горячий душ и надеть чистое.

Я открыл дверь своим ключом.

В нос ударил влажный, густой запах стирального порошка. Не легкий аромат свежести, который обычно витал в квартире при Вале, а тяжелый, химический дух, от которого першило в горле. Словно кто-то рассыпал пачку «Тайда» прямо в коридоре.

И звук.

Из ванной доносился нутужный гул. Моя стиральная машина, надежная немецкая техника, ревела, как раненый бизон, и вибрировала так, что, казалось, сейчас пробьет стену к соседям. Она выходила на взлет.

Я замер в прихожей, сбрасывая ботинки.

Стирает.

Внутри разлилась теплая волна облегчения, смывая раздражение рабочего дня. София стирает. Моя девочка, моя муза, про которую Валя говорила «белоручка», взялась за хозяйство. Сама. Без напоминаний.

Я улыбнулся своему отражению в зеркале. Видишь, Веня? А ты сомневался. Ты накручивал себя. Просто ей нужно было время, чтобы адаптироваться. Она молодая, современная, она не будет, как Валя, делать из стирки культ, но кнопку-то нажать она может!

— Софушка, я дома! — крикнул я, вешая пиджак (на спинку стула, потому что вешалок в шкафу по-прежнему не было).

— Я в ванной, котик! — отозвался звонкий голосок.

Я прошел в ванную комнату.

София сидела на бортике джакузи, болтая ногами в пушистых тапочках. На ней была какая-то смешная маска для лица в виде мордочки панды и коротенький шелковый халатик, едва прикрывающий бедра. В руках она держала телефон, быстро печатая что-то длинным ногтем.

Увидев меня, она отложила гаджет и захлопала в ладоши.

— Привет, мой добытчик! А я тут хозяйку включила!

Она спрыгнула на пол и повисла у меня на шее. Пахло от неё чем-то сладким и химическим порошком.

— Я видела, как ты мучился утром с рубашкой, — проворковала она мне в ухо. — И решила: хватит! Мой мужчина должен быть самым красивым. Я собрала всё, что нашла в корзине, и всё, что ты вчера в кучу свалил, и закинула в стирку. Я молодец?

— Ты чудо, — искренне сказал я, целуя её в нос (точнее, в маску панды). — Я как раз мечтал о чистой белой рубашке на завтра. У меня встреча с инвесторами, нужно выглядеть на миллион.

Машина издала последний, особенно натужный стон, хлопнула водой и победно пискнула.

Пи-пи-пи.

Цикл завершен.

— О, готово! — София отстранилась и нажала на кнопку открывания люка. — Сейчас будем развешивать. Я даже сушилку нашла на балконе, представляешь? Я такая самостоятельная, самой страшно!

Я смотрел на дверцу машины с предвкушением. Сейчас я увижу свои сокровища. Свежие, чистые, пахнущие «альпийским лугом».

Щелчок блокировки. София потянула дверцу на себя.

Из барабана повалил пар. Горячий, влажный пар.

Я нахмурился. Пар? Валя никогда не доставала горячее белье. Обычно оно было прохладным.

— А на какой режим ты поставила? — спросил я, чувствуя легкий укол беспокойства.

— На самый лучший! — гордо заявила София, ныряя рукой в недра барабана. — Там было написано «Хлопок 90 градусов». Ну, чтобы наверняка! Чтобы все микробы сдохли и пятна отошли. Ты же потел, Веня, надо дезинфицировать!

Девяносто градусов.

Кипячение.

У меня похолодело внутри. Мои рубашки... Тонкий египетский хлопок...

— Софа... — начал я, но она уже вытянула наружу содержимое.

Это был плотный, сбившийся в единый ком узел мокрой ткани. Он выглядел тяжелым и каким-то... неправильным.

София дернула за рукав, пытаясь распутать этот гордиев узел.

— Ой, как все переплелось! — засмеялась она. — Как змеи!

Она рванула сильнее. Ком распался. На кафельный пол шлепнулось нечто.

Я смотрел вниз и не верил своим глазам. Мозг отказывался обрабатывать визуальную информацию.

Это были мои рубашки. Я узнавал их по пуговицам, по биркам Hugo Boss и Eterna. Но на этом сходство заканчивалось.

Вместо сияющей белизны передо мной лежала куча тряпья грязно-розового цвета.

Не благородного пастельного оттенка, а какого-то пошлого, мутного цвета разбавленного борща с молоком. Ткань выглядела странно: она словно скукожилась, стала плотной, «вареной», покрылась мелкими катышками. Воротнички, мои идеальные жесткие воротнички, превратились в бесформенные жеванные тряпочки.

Среди этого розового кошмара ярким пятном выделялись кружевные красные трусики Софии и один-единственный ярко-малиновый носок, застрявший в рукаве моей бывшей белой сорочки.

— Это... что? — мой голос прозвучал как скрип несмазанной телеги.

София, кажется, не замечала масштаба катастрофы. Она подняла одну рубашку (рукава которой теперь были короче сантиметров на пять) и встряхнула её.

— Ой, смотри! Покрасилось! — удивилась она, но в голосе не было ужаса, скорее любопытство ребенка, смешавшего краски. — Наверное, из-за моих трусиков... Или вон того носка. Я его искала!

— Ты... — я сглотнул, пытаюсь протолкнуть ком в горле. — Ты постирала белые рубашки вместе с красным бельем? На девяноста градусах?

— Ну да, — она хлопнула ресницами. — А что? Я думала, машинка умная, она сама разберется. И вообще, красный с белым — это же розовый. Логично же?

Она приложила к себе испорченную вещь, глядя в зеркало.

— Слушай, а прикольный цвет получился! Такой... «пепел розы». Или «пыльная фуксия». Сейчас это супер-тренд, Веня! Все модные дома такое выпускают. Ты будешь самым стильным в офисе! Эксклюзив!

Меня начало трясти. Мелкой, противной дрожью.

Я взял из её рук рубашку. Ткань была жесткой, как наждак. Она села размера на два. Это была вещь за пятнадцать тысяч рублей. И там, в куче, лежало еще три таких же. Шестьдесят тысяч. Уничтожены за один цикл стирки.

— В тренде... — прошептал я. — В тренде?!

Я поднял глаза на Софию. Маска панды на её лице вдруг показалась мне не милой, а издевательской.

— София, это офисные сорочки! — заорал я так, что эхо ударилось о кафель и вернулось мне в уши звоном. — Ты понимаешь, что ты наделала?! Ты сварила их! Ты превратила их в половые тряпки! В этом нельзя ходить! Я буду похож на поросенка-переростка в этом розовом дерьме!

София отшатнулась, выронив мокрый носок. Её глаза расширились, губы задрожали.

— Веня, ты чего орешь? Я же старалась! Я хотела как лучше!

— Как лучше?! — я швырнул мокрую розовую рубашку обратно в кучу. Брызги полетели на зеркало. — Ты хоть раз в жизни инструкцию читала? Ты знаешь, что белое стирают отдельно? Что хлопок нельзя кипятить?! Валя никогда...

Я осекся.

Имя вырвалось само. Оно повисло в влажном воздухе ванной, тяжелое и неуместное, как гиря.

Лицо Софии изменилось. Обида сменилась злостью. Она сорвала с себя маску панды и швырнула её в раковину.

— Ах, Валя?! — взвизгнула она. — Опять твоя Валя?! Ну и вали к своей Вале! Пусть она тебе стирает, гладит и сопли вытирает! Я тебе не прачка! Я не нанималась сортировать твои грязные трусы по цветам радуги!

— Ты испортила вещи! — я тыкал пальцем в розовую кучу. — Это деньги! Это мой внешний вид! В чем я завтра пойду?!

— Да купишь новые! — фыркнула она. — Подумаешь, трагедия! Ты же у нас «Человек года», богач, директор! Что тебе, жалко пару тысяч на новые рубашки? Жмот!

— Пару тысяч? — я задохнулся от возмущения. — Ты хоть знаешь, сколько они стоят?

— Мне плевать! — она топнула ножкой в пушистом тапке. — Главное — внимание! Я проявила заботу, а ты орешь как потерпевший! Ты токсичный, Веня! Ты абьюзер! Я обиделась!

Она развернулась и выбежала из ванной, хлопнув дверью так, что с полки упал мой дезодорант.

Я остался один. Наедине с гудящей стиральной машиной и кучей розового, вареного тряпья.

Я сел на край ванны, закрыв лицо руками.

Богач. Жмот. Абьюзер.

Я посмотрел на бесформенный ком на полу. Среди розового хаоса торчал рукав той самой белой рубашки, на которой вчера было пятно от тональника. Пятно никуда не делось. Оно просто стало темно-бурым от высокой температуры и теперь выделялось на розовом фоне как клеймо позора.

Она не отстирала даже пятно. Она просто уничтожила всё остальное.

— Господи... — простонал я.

Я представил Валу. Как она сортировала белье. Белое к белому, цветное к цветному, шерсть отдельно, деликатное в мешочек. Как она выставляла температуру, сверяясь с ярлычками. Как она выводила пятна какими-то своими хитрыми карандашами и спреями, прежде чем положить вещь в барабан.

Я никогда этого не видел. Я просто знал, что рубашки всегда возвращаются в шкаф новыми. Я думал, это функция машины. Оказалось, это была функция жены.

Я пнул розовую кучу ногой.

Завтра мне идти на встречу с инвесторами.

В чем?

В розовом «вареном» эксклюзиве от Софии?

Я встал, взял мусорный пакет (слава богу, Валя оставила рулон под раковиной) и сгреб туда всё содержимое стиралки. Вместе с красными трусами Софии. Видеть это я не мог.

Вышел из ванной с мешком, как Санта-Клаус с подарками для плохих детей. Прошел мимо спальни. Дверь была закрыта, оттуда доносились всхлипывания.

Пусть плачет. Может, поумнеет.

Я пошел на кухню, выбросил пакет в мусоропровод. Вернулся.

Мне нужно было что-то надеть завтра.

Я снова открыл шкаф. Гардеробная встретила меня унылой пустотой.

Голубая рубашка в стирке (теперь она лежала в корзине, ожидая своей участи, и я молился, чтобы София не добралась до неё).

Розовая (нормальная) — на мне, и она воняет.

Я начал рыться в самой глубине шкафа, там, где висели вещи «на дачу» или «на черный день».

Мои руки наткнулись на что-то жесткое, клетчатое.

Я вытащил вешалку.

Это была старая сорочка в мелкую сине-белую клетку. Я покупал её лет пять назад, когда мы ездили в отпуск в Карелию. Это была не офисная вещь. Это была рубашка для шашлыков, для леса, для того, чтобы кормить комаров и рубить дрова. Грубый хлопок, почти фланель. Клетка — крупная, деревенская.

Но она была чистой. И у неё были все пуговицы.

Я сорвал её с вешалки. Пахнуло пылью и старым сундуком.

Я продел руки в рукава. Ткань неприятно скребла кожу — после нежнейшего египетского хлопка это было как надеть мешковину.

Я начал застегиваться снизу.

На животе пуговицы сошлись с трудом, ткань натянулась, образуя некрасивые ромбы, сквозь которые просвечивала майка (или, что хуже, волосатое пузо, если майку я не найду).

Я добрался до воротника.

И тут меня ждало фиаско.

Я попытался свести края воротничка, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу. Не хватало сантиметра полтора. Моя шея за пять лет стала шире, мощнее (читай — жирнее).

Я втянул голову в плечи, надавил на кадык, пытаясь обмануть физику. Пальцы скользили. Лицо налилось кровью от натуги.

— Давай же, сволочь... — прохрипел я.

Пуговица выскользнула и больно щелкнула меня по пальцу.

Я отпустил воротник. Он тут же разошелся, открывая шею.

Застегнуть невозможно. Если я надену галстук, он просто стянет воротник удавкой, и я задохнусь к середине доклада.

Я посмотрел в зеркало.

На меня глядел красный, потный, взъерошенный мужик в тесной клетчатой рубашке, которая больше подходила трактористу, чем директору филиала. Верхняя пуговица расстегнута, вид — расхристанный, неопрятный.

— Сирота казанская, — выплюнул я свое отражение.

Это было дно.

Завтра я пойду на встречу с инвесторами в джинсах, которые впиваются мне в кишки, и в этой фланелевой рубашке, в которой стыдно даже мусор выносить. Сверху надену пиджак от дорогого костюма, и буду выглядеть как городской сумасшедший, ограбивший секонд-хенд.

Я опустил руки.

Где Валя?

Обычно в таких ситуациях она появлялась как фея-крестная. «Веня, я перешила пуговку на сантиметр, теперь свободно». «Веня, я купила тебе новую сорочку, она уже постирана и отглажена, висит в чехле».

Она следила за моим гардеробом так, как музейный работник следит за экспонатами. Я даже не знал, что рубашки стареют, садятся или желтеют. Для меня они были вечными.

Потому что Валя вовремя их меняла. Тихо. Незаметно. За свои (или наши общие) деньги.

А теперь Вали нет.

Есть София. Муза. Которая сварила мой гардероб в кипятке и обиделась на то, что я не оценил цвет «пепел розы».

Я снял клетчатую рубашку. Бросил её на кресло.

Спать я лег в гостиной, на том самом «уродливом» диване. Идти в спальню к Софии не хотелось. Видеть её не хотелось. Чувствовать запах её сладких духов не хотелось.

Я лежал в темноте, слушая, как гудит холодильник на пустой кухне.

Завтра будет адский день. Я пойду на работу помятым, в старье. На меня будут коситься.

— Ничего, — прошептал я, глядя в потолок. — Это временно. Она вернется. У неё кончатся деньги, и она вернется. И тогда я заставлю её перестирать всё это вручную. И погладить. И пришить каждую чертову пуговицу.

Я закрыл глаза, пытаясь убедить себя в том, что я всё еще победитель. Но перед внутренним взором стояла гора розового мокрого белья, похожая на мозги гигантского монстра, который сожрал мою комфортную жизнь.

Глава 15

Автобус номер сорок два полз по проспекту, как уставшая гусеница. В салоне пахло мокрой овчиной, дешевым табаком и перегаром — вечными спутниками утреннего часа пик на окраине. Меня зажали между грузным мужчиной в пуховике и поручнем, и я старалась даже не дышать глубоко, чтобы, не дай бог, не помять свою единственную белую рубашку.

Я гладила её вчера на столе, подстелив байковое одеяло, выверяя каждый миллиметр воротничка. Сейчас эта рубашка была моим единственным пропуском в мир живых людей. Моим белым флагом и одновременно боевым знаменем.

«Куда ты едешь, Валя? — билась в голове паническая мысль. — Какой "Моне"? Какой заказчик? Ты посмотри на себя».

Я скосила глаза на свое отражение в темном оконном стекле. Оттуда на меня смотрела бледная женщина средних лет в старом темно-синем пуховике, который я покупала пять лет назад для поездок на рынок за картошкой. На капюшоне сваялся искусственный мех, молния на кармане заедала.

Я ехала на встречу в самое дорогое кафе города в одежде, в которой стыдно выносить мусор в центре.

Под ложечкой сосало. То ли от страха, то ли от голода. Утренний чай без сахара (сахар кончился, а денег я пожалела) давно испарился, оставив после себя лишь дрожь в руках.

«Это авантюра. Это пранк. Сейчас я приеду, а там сидят подростки с камерами и ржут над теткой, которая поверила в сказку».

Автобус дернулся и замер на остановке «Центральный рынок». Двери с шипением разъехались.

Я вывалилась наружу, глотнув морозного воздуха.

До кафе «Моне» нужно было пройти два квартала пешком. Я шла б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.